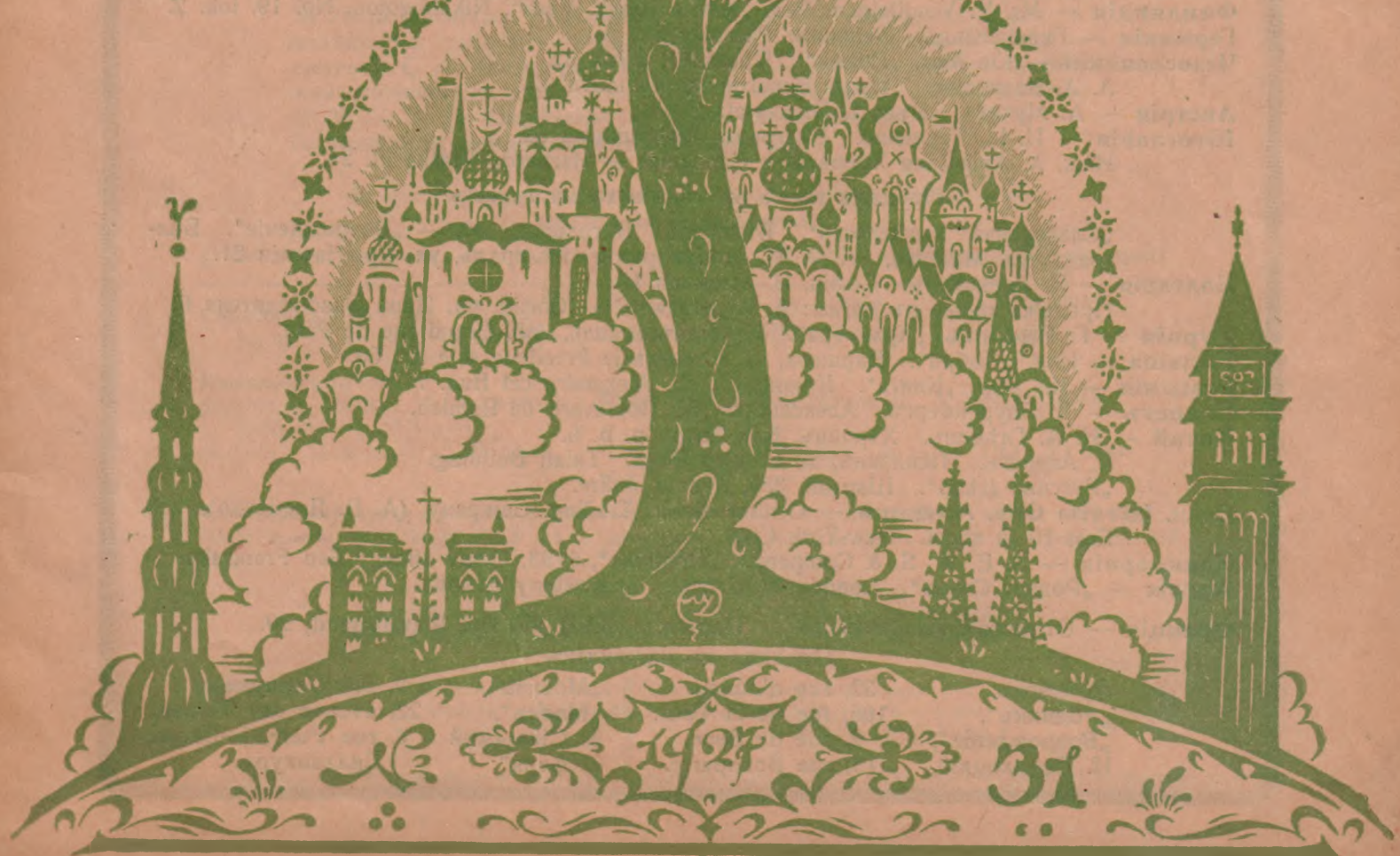

ПЕРЗРОН

1927

31

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

№ 31 (4) — 1927 г. Апрель.

Рига, Редакция и контора L. Kalēju ielā 43
Телефонъ 22176 и 23423

Цѣна номера 1 латъ (50 руб.)
Заграницей 25 амер. цент.

Содержаніе:

М. Богаевскій, проф. Софійскаго Унив. — Воскресеніе
Болгаріи.

ген. А. Бѣльскій — Шипка.

Вазовъ — Ополченцы. (перев. Ѳедорова)

ген. Н. А. Епанчинъ — Крестовый походъ.

ген. П. Н. Красновъ — Воспоминанія.

Л. — Кралевичъ Марко.

Ив. Лукашъ — Пожелтѣлыя газеты.

проф. Н. И. Мишеевъ — Знаменательная дата.

А. Ремизовъ — Воскресенія день.

А. Ѳедоровъ — Балканы.

Въ краскахъ:

На паспарту приложеніями репродукцій:

1. Акад. Н. П. Богданова-Бѣльскаго — „Пасхальный
столъ“ (въ 4 краскахъ)

2. К. Савицкаго — „На войну“.

3. Попова — „Защита Орлинаго Гнѣзда“.

4. серб. худ. А. Бодарича — „Кралевичъ Марко“.

5. Н. Каразина — „Болгарка на помощь раненымъ“.

Представительства журнала „Перезвоны“

Эстонія — Г. Паю. Ревель, Harju tänar 39. Бѣлокуровъ. Дерптъ — Lossi tän № 1.

Литва — „Spauda“. Ковно, Laisves Aleja 76.

Финляндія — Mr. V. Voutilainen, Red. „Novija Russk. Vesti“, Nikolaigoton, No. 19, lok. 2.

Германія — Гиршфельдъ. Берлинъ, Passauer Str. 5.

Чехословакія — Кн. Маг. „Пламя“. Прага 11, Ječna 32.

А. А. Воеводинъ. Прага-Винограды, Nerudova 32.

Австрія — А. Мухинъ. Вѣна I, Petersplatz 9.

Югославія — И. И. Карпенко. Бѣлградъ, Притшинска 52.

Инж. А. Арія (для Хорватіи и Словеніи) — Загребъ, Vlaška ul. 24.

Продажа также въ книжныхъ магазинахъ:

„Славянская взаимность“. Бѣлградъ, Битольска, 30. — „Возрожденіе“. Бѣл-
градъ, ул. Милоша, 11. — М. А. Суворинъ. Бѣлградъ, ул. Кр. Наталіи 21.

Болгарія — Н. Алексѣевъ. Софія, В. Тырново 17.

Продажа также въ магаз.: А. Курындінъ. — Софія, ул. Царя Освободителя 6.

Турція — Г. Пахаловъ, „Культура“. Константинополь, 385, Grand rue de Péra.

Польша — Изд. „Добро“. Варшава, ul. Krakowskie Przedmie scie Nr. 53.

Румынія — Кн. Маг. „Книга“. Кишиневъ, str. Alexandru cel Bun. 71.

Египетъ — Е. Лауренбергъ. Александрія, 24, Boulevard de Ramleh.

Китай — И. А. Глѣбовъ. Харбинъ, New-Town, p. b. 6.

К. Авертъ. Тьендзинъ, 20 Council Road. Talati Building.

„Русское Дѣло“. Шанхай, 359, Avenue Joffre.

Соед. Штаты Сѣв. Америки — Central Book Trading Company (А. В. Яременко), 239
East 10 th street. New-York City.

Калифорнія — N. E. W. S. & Company. „Новинка“, 1793, Geary street. San Francisco.

Англія — „Родное Слово“. London W. S. 222. Shaftesbury Avenue.

Франція — Отдѣленіе Издательства — Парижъ (XVI) 20, rue Raynouard, 20.

Продажа въ магазинахъ:

Арбузовъ, 32, rue d'Anjou.
„Родникъ“, 106, rue de la Tour.
„Возрожденіе“, 2, rue de Seze,
И. Поволоцкій, 13, rue Bonaparte.

„Москва“, 9, rue Dupuytren.
„Маякъ“, 22, avenue des Ternes.
Е. Сіяльской, 2, rue Pierre-le-Grand.
„Офеня“ Билланкуръ.

Издание Акц. Общ. Печат. Дѣла „САЛАМАНДРА“
 Latvija Riga, L. Kalēju ielā 42. Парижъ (XVI) 20 rue Raynouard; Харбинъ —
 New-Town, p. b. 6 — И. А. Глѣбовъ; Нью-Йоркъ — Central Book Trading Company
 239 East 10 th. Str.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЬ „ПЕРЕЗВОНЫ“

ВЫХОДИТЬ 1 РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ

СОТРУДНИКИ: М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережан-
 ский, проф. Бердяевъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Бѣлоцвѣтовъ, Ю. Галичъ
 Г. Гребеншиковъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, Бор. Зайцевъ, Евг. А. Зноско-Боровскій,
 А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, Д. С. Мережковский, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Ми-
 шеевъ, Мих. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. Рощинъ, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучевъ,
 В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, Марина Цвѣтаева, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ,
 А. Оедоровъ. Худ. акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ, Ю. Г.
 Рыковский, П. Н. Красновъ и друг.

№ 1 посвященъ С. А. Виноградову; № 2 — Н. П. Богданову-
 Бѣльскому; № 3 — М. В. Нестерову; № 4 — К. А. Коровину;
 № 5 — древне-русскому зодчеству; № 6 — В. М. Васнецову;
 № 7/8 — изображеніямъ Богоматери и Св. Младенца въ искусствѣ;
 № 9 — А. М. Васнецову; № 10 — М. В. Добужинскому;
 № 11 — И. И. Левитану; № 12 — В. В. Верещагину; № 13 —
 Н. К. Рериху; № 14 — Б. М. Кустодіеву; № 15 — стариннымъ
 усадьбамъ „подмосковнымъ“; № 16 — И. К. Айвазовскому и
 Ю. П. Анненкову; № 17 — В. Е. Маковскому и К. В.
 Дыдышко; № 18 — В. Г. Пурвиту; № 19 — Пасхальный;
 № 20 — посвященъ „Дню Русской Культуры“; № 21 —
 Я. Розенталю; № 22 — В. И. Сурикову и подмосковнымъ;
 № 23 — А. И. Куинджи; № 24 посвященъ стар. Петербургу;
 № 25 посвященъ Эрмитажу; № 26 — передвижникамъ и
 новѣйшимъ работамъ академиковъ Н. П. Богданова-Бѣль-
 скаго и С. А. Виноградова; № 27 — Рождественскимъ святоч-
 нымъ мотивамъ въ искусствѣ; № 28 — Москвѣ; № 29 — И. Е. Рѣпину;
 № 30 — В. Д. Полѣнову и И. М. Прянишникову; № 31 —
 Балканской освободительной войнѣ.

Въ каждомъ ном. 3—4 цвѣтныхъ репродукцій, много иллюстр. въ текстѣ.

Обложка раб. М. Добужинскаго.

Цѣна ном., начиная съ № 14 — въ Латвіи 50 руб., за границей 25 ам. цент.

	Въ Латвіи	Въ Литвѣ	Въ Эстоніи	Заграницей
Комплектъ 1925 г. } № № 1—8	6 латовъ	15 литовъ	500 эст. мар.	1 долл. 50 цент. ам.
Комплектъ за 1-ое } полугодіе 1926 г. } № № 9—21	12 латовъ	30 литовъ	1000 эст. мар.	3 амер. долл.
За 2 полуг. № № 22—27	6 лат.	15 лит.	500 эст. м.	1 дол. 50 цен.

Въ изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ — каждый комплектъ на 2 Ls дороже (50 ам ц.)
 Плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек счетъ № 916
 Riga, Post-Schek Conto № 916

Подписчики, желающіе получить журналъ заказной бандеролью,
 приплачиваютъ 5 американскихъ центовъ за № (въ Латвіи 25 сант.)

Комплекты „Юного Читателя“ за 1926 г. (24 книги съ приложеніями) — 12 латовъ (30 литовъ,
 1000 эст. мар., 3 амер. доллара). Въ изящн. переплетахъ № № 1 — 6 — 1 дол. (въ Латвіи 4 лата).
 № № 7 — 12 — 1 дол. („ 4 лата).

Принимается подписка на 1927 годъ
на газету

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
Заграницу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.

Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.
Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр.
Наталии и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

Единственная въ Харбинѣ (Китай) еже-
дневная русская вечерняя газета

„РУПОРЪ“

VII-ой годъ изданія

**Въ воскресенье и послѣ праздни-
чныхъ выходить увеличен. размѣромъ.**

Газета имѣетъ широкое распространеніе
по всей линіи Кит.-Вост. ж. д. и во
многихъ городахъ Китая и Японіи.

Подписная плата: 1 м. — 1 амер. дол.
3 м. — 2 амер. д. 50 ц.

Адресъ для корреспонденціи:

Китай
China — Харбинъ, Почтовый ящикъ № 364.

Адресъ для переводовъ:

Китай
China — Харбинъ, Корейская 17. Главн. Контора
газеты „РУПОРЪ“.

Редакторъ-издатель Е. С. Кауфманъ.

РУССКОЕ ВРЕМЯ

„Le Temps Russe“

Редакція и контора:

40, rue de Trévis, 40. — Paris (IX)

Tél : Bergère 52-65.

Газета „Русское Время“ выходитъ еженедѣльно
по воскресеньямъ.

Отдѣльный номеръ во Франціи — 50 с.

Заграницею — 1 фр.

Условія подписки:

1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 г.
Во Франціи 3 фр.	8 фр.	15 фр.	28 фр.
Заграницей 5 фр.	14 фр.	26 фр.	50 фр.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗАРНИЦА“

RUSSIAN MONTHLY LITERARY
AND EDUCATIONAL MAGAZINE

„ZARNITZA“

130. E. 7 th Street
NEW-YORK, N. Y.

TELEPHONE:
Dry Dock 6511.

Журналъ издается группой рабочихъ при участіи:

П. Бирюкова, Г. Гребенщикова, И. Горбунова-По-
садова, С. Гусева-Оренбургскаго, Г. Полонскаго,
Н. Рубакина, Ю. Рубакина, Б. Ванъ-Розень, Р. Ванъ-
Розень, инж. Е. Сомова, Л. Тартакъ, Л. Нелидовой,
Фивейской, А. Фавицкаго, проф. А. Фореля и друг.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

Выходитъ въ Софіи **РУСЬ** Годъ изданія 5-ый

Адресъ Подъ редакціей
Редакціи и Конт.: **РУСЬ** СЕРГѢЯ
Софія, Врабча, 1 ШЕВЛЯКОВА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ пересылкой)

Въ Софіи и Болгаріи

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
60 лв.	170 лв.	320 лв.	600 лв.

Заграницей

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
0,60 долл.	1,5 долл.	3 долл.	6,00 долл.

Подписка принимается 1, 5, 10, 15, 20 и 25
каждаго мѣсяца.

Подписчикамъ — преміи книги

Русскій Сокольскій Вѣстникъ.

Ежемѣсячный журналъ, посвященный интересамъ
Русскаго Сокольства заграничей. Органъ „Союза
Русскаго Сокольства заграничей“ и гимнастическаго
общества „РУССКІЙ СОКОЛЬ ВЪ ПРАГѢ“

Изд. „РУССКОЙ СОКОЛЬСКОЙ МАТИЦЫ“

Заключаетъ въ себѣ статьи идеологическаго и
историческаго характера, руководства для веденія
гимнастическихъ занятій, а также отдѣлы гигиены
и сокольской хроники.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА для

Ч. С. Р.: въ годъ 12 К. Ч., 1 экз. — 1.50 К. Ч.,
Югославинъ: „ годъ 20 дин. 1 „ — 2 динара
заграницу: „ годъ 0,40 ам. дол.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по субботамъ
отъ 15 до 16 час.

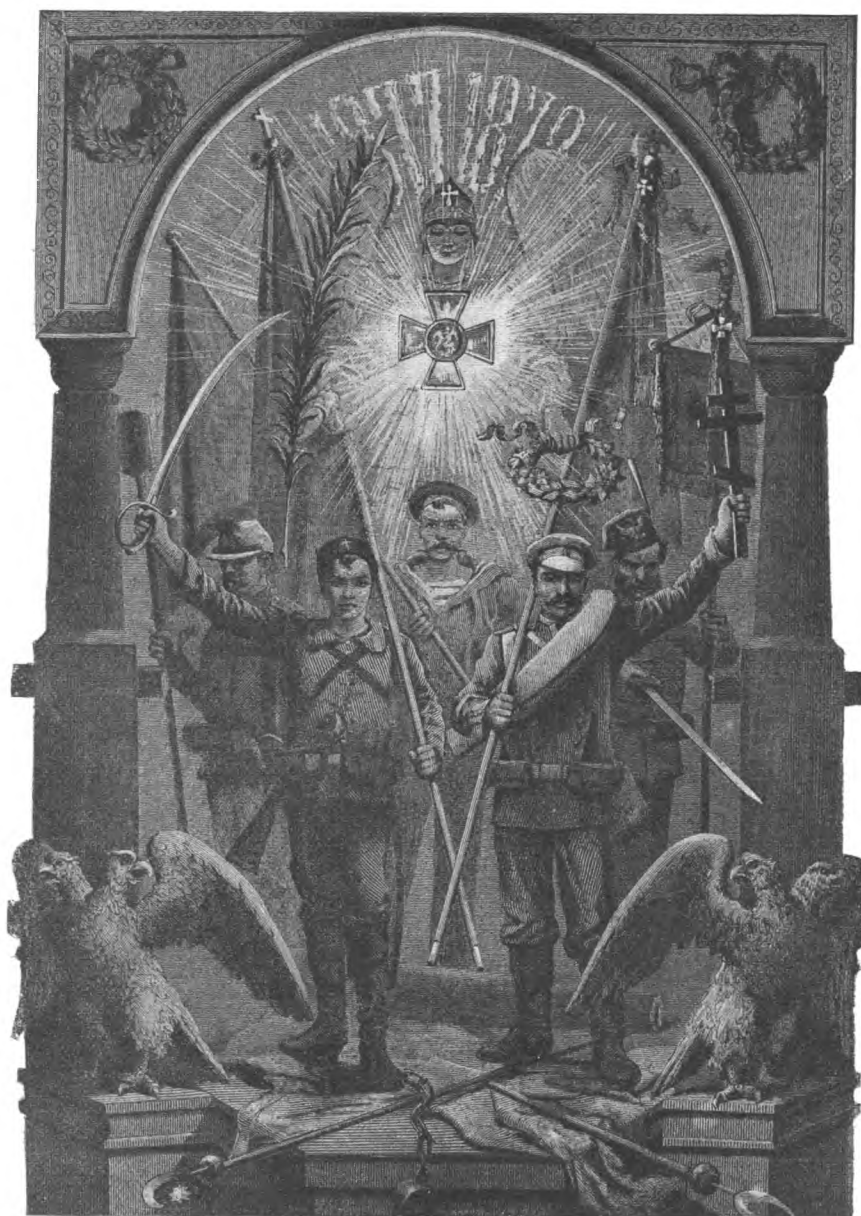
Адресъ редакціи: Прага III. Тыршовъ Домъ.

Администрація: Изд. „ХУТОРЪ“, А. Г. Винни-
чукъ, Ч. С. Р., Прага, Жижковъ, Ягеллонская
ул. 24, тел. 50-0-26.

ПРОЗРЫШЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

(№ 2 1927 31)

ВОСКРЕСЕНІЯ ДЕНЬ

А какъ съ Волги до Поморья, съ Поморья до Сурожа печальная вошла тьма въ Христову ночь, затаилась безъ отклика.

„Отчего такая тьма и печаль по русской землѣ?“

„Это души изъ пропастей и канавъ, изъ-за огненной рѣки, изъ загробныхъ темницъ — скорбной вереницей въ отпускъ на родину за каплей росы омочъ уста. И другія — вижу — поднимаются съ родимыхъ полей: вонъ — моя мать, вонъ — мои братья... Еще вижу: да, ихъ очень много: замученные и измаявшіеся — —“

Тьма слѣпитъ глаза. Полночь приблизилась.

По церквамъ подняли хоругви, со свѣчами выносятъ запрестольныя иконы. Я зажегъ мою свѣчку — на весь міръ огонекъ. И въ огонь свѣчей ударилъ колоколъ — и свернулась тьма, разсѣялась.

„Вижу, среди живыхъ и умершіе, а какъ живые: пришли, не забыли свою родину — „Христосъ воскресъ!“ Еще вижу — другіе идутъ — ихъ кровавыя слѣзы стали бѣлыми — „Христосъ воскресъ!“

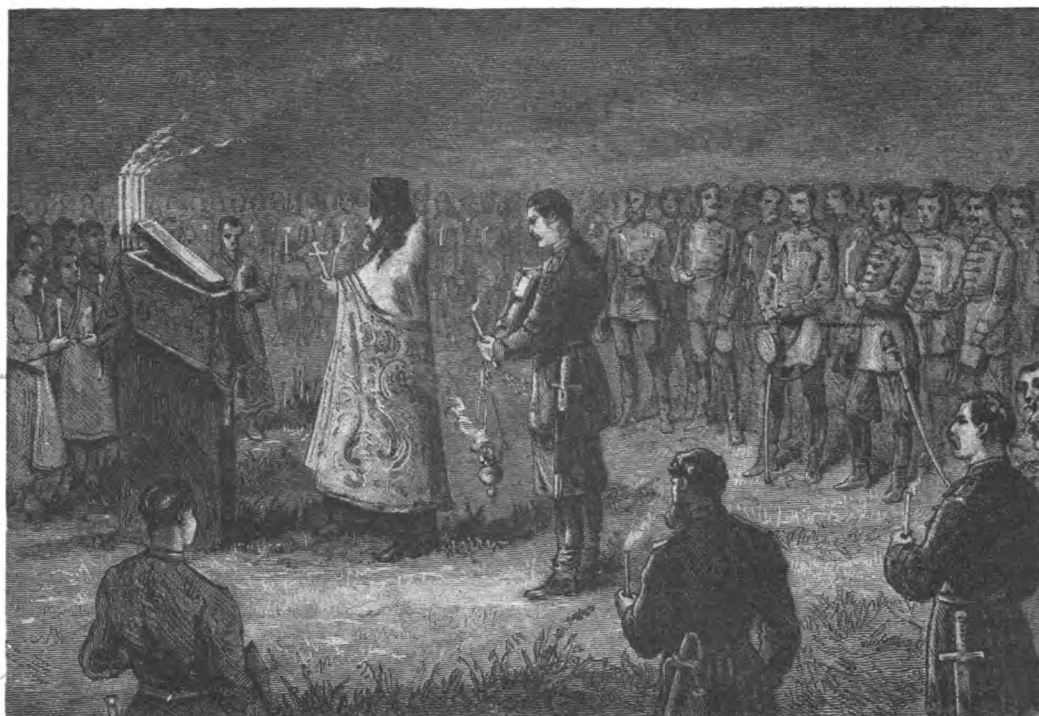
И время остановилось.

А Трехдневное - Воскресеніе, омывшись весенней росой, зажигаетъ зарю и ведетъ ее, нарядную, по талой зазеленѣвшей землѣ надъ пригорками, по - надъ лѣсомъ, край поля — съ Волги до Поморья, съ Поморья до Сурожа.

А изъ зари крестъ — солнце играетъ. И горитъ этотъ крестъ ярче солнца.

А кто ждетъ, тотъ увидитъ — крестъ въ солнцѣ надъ русской землей — отъ восхода солнца до бѣлаго дня.

Алексѣй Ремизовъ

Пасхальная заутреня. (Изъ картинъ Балканской войны)

АКАД. Н. П. БОГДАНОВЪ-БѢЛЬСКІЙ.
ACAD. N. BOGDANOFF-BELSKY.

„ПАСХАЛЬНЫЙ СТОЛЪ“.
„ON EASTER-DAY“

Н. Н. КАРЗИНЪ.

БОЛГАРКА НА ПОМОЩЬ РАНЕННЫМЪ.

ВОСКРЕСЕНИЕ БОЛГАРИИ

На Балканскомъ полуостровѣ 1876-й годъ былъ мучительно тяжелъ, но онъ связанъ съ воспоминаніями красивыми и благородными. Тогда именно, отъ имени болгарскаго народа, руководители его національнаго освобожденія провозгласили, что все населеніе Болгаріи, Тракіи и Македоніи желаетъ только „свободы“, готово ради нея итти на „смерть“. Слова эти воплотились въ дѣло! Всѣ, даже малыя дѣти, жили тогда мыслью, что должно воскреснуть „царство“. Недавно въ окрестностяхъ Софіи я бесѣдовалъ съ однимъ изъ современниковъ той знаменательной эпохи. „Какъ сейчасъ слышу, говорилъ онъ, голосъ моего учителя въ Клисурѣ“ (центръ знаменитаго возстанія). „Слышу его и чувствую себя малымъ мальчикомъ, когда 20 апрѣля 1876 г. (день возстанія) учитель, распуская насъ по домамъ, говорилъ: „идите, дѣти, домой, и поздравьте своихъ родителей, скажите имъ: „честито Ви Царство!“ (да здравствуетъ Царство!)“

Безграничный эгоизмъ западнаго европейца оставилъ его равнодушнымъ къ героическому порыву цѣлаго народа. Ужасны были ближайшія послѣдствія апрѣлскаго возстанія.

Но его красота и величіе нисколько не умаляются отъ того, что турки своею массою уничтожили для болгаръ какую бы то ни было возможность борьбы. Они не могли, конечно, уничтожить вѣры въ святость предпринятаго дѣла. Чувства того времени такъ правдиво передаются яркими картинами въ романѣ болгарскаго народнаго поэта Вазова — „Подъ игомъ“. Вспомните, какъ его любимый герой, проникнутый этою вѣрою, не въ состояніи отказаться отъ завѣтныхъ чаяній своихъ соотечественниковъ. Вспомните молитву чорбаджи Марко, когда онъ, сознавая невозможность продолжать борьбу, „пошелъ къ иконамъ... и произносилъ нѣкую молитву, которой не было въ его молитвенникѣ“.

„Онъ молился за Болгарію!“

И Богъ услышалъ молитву и сотворилъ чудо. Богъ сотворилъ чудо въ далекой, далекой Москвѣ, въ ея святомъ Кремлѣ. Тамъ, въ сердцѣ Россіи, 11 ноября 1876 года, царь Александръ II говорилъ своему народу: „Я знаю, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ самое живое участіе въ страданіяхъ нашихъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ“... „Я желаю, чтобы тамъ (въ Константи-

нополѣ, гдѣ ожидалось собраніе международной конференціи, каковая и состоялась въ декабрѣ 1876 г.) мы пришли къ общему (съ другими великими державами) соглашенію“. „Но, если этого не случится... я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и вѣрю, что въ этомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я найду, что это нужно и честь страны этого требуетъ!“

Въ Европѣ и въ Турціи тогда стало ясно, что крылья русскаго орла развернутся надъ Балканами и что приближается разрѣшеніе вѣкового вопроса.

Въ словахъ Императора Освободителя и проявилось чудо, которое воскрешало балканскіе народы къ самостоятельной жизни. Скромный хитростями европейской дипломатии, русскій царь долго не могъ самостоятельно оказать помощь христіанамъ Турціи. Онъ не могъ этого сдѣлать, несмотря на вѣковыя жертвы русскаго народа, связанные съ осуществленіемъ этой цѣли. И вотъ, слова Императора Александра II показали, что Европа болѣе не въ силахъ удержать Россію отъ самостоятельнаго образа дѣйствій. Чудо проявилось въ томъ, что въ странѣ, гдѣ, по утвержденію Европы, общественное мнѣніе не имѣло значенія, именно оно подчинило себѣ царя, носителя безграничной власти. Оно подчинило себѣ царя до такой степени, что, какъ мы это видимъ

въ недавно появившихся на свѣтъ Божій нѣмецкихъ документахъ, царь не могъ противиться волѣ своего народа. А народъ его, — какъ гласитъ въ этихъ документахъ свидѣтельство германскаго императора, — русскій народъ не могъ остаться безразличнымъ, подобно Европѣ, къ турецкимъ издѣвательствамъ (*doch einen Affront, wie Europa in Constantinopel erlebt habe... nicht ruhig beinehmen werde*).

Воистину чудо проявилось во всемъ этомъ!

Вскорѣ затѣмъ русскій народъ опредѣленно выразилъ свою волю. Онъ, въ своей бѣдной сермягѣ, видѣлъ на Балканахъ нѣчто иное, чѣмъ усматривалъ тамъ сухой взоръ наряднаго европейца, самодовольнаго созерцаніемъ своей тысячелѣтней цивилизаціи. Если европеецъ не могъ увидѣть тамъ ничего, кромѣ матеріальныхъ осложнений, то живыя очи страдальцевъ изъ отсталой отъ Европы Россіи были согрѣты видѣніемъ братской свободы. Видѣніе это такъ влекло къ себѣ, что своимъ порывомъ русскій народъ сдѣлалъ невозможнымъ на Бал-

Императоръ Александръ II

Вел. Кн. Николай Николаевичъ
главнокомандующій Дунай-
ской арміи

Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ
Александръ
нач. Ружукскаго отряда

Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ
главнокомандующій Кавказ-
ской арміи

канахъ старый порядокъ. Раздался рѣшитель-
ный русскій голосъ, и разсѣялись колебанія, сла-
бость и всякія помѣхи со стороны злыхъ силъ.

Разсѣялись помѣхи злыхъ силъ, и воскресло
къ самостоятельной жизни Болгарское царство,
которое сознавало себя способнымъ жить соб-
ственнымъ волею и своими желаніями. И нынѣ,
когда съ той поры минуло полвѣка, (Россія объ-
явила войну Турціи — 12/24 апр. 1877 г.) стано-

вится еще яснѣе, что чудо, сотворенное черезъ
посредство русскаго народа и Царя-Освободи-
теля, — дѣло любви и правды. Вождельнія тѣхъ,
кто мыслилъ лишь о своей выгодѣ, не могли
заглушить эту правду. Она-то и таитъ въ себѣ
залогъ дальнѣйшаго торжества всѣхъ, кого и
нынѣ окружаютъ такіе же вождельнія противни-
ковъ русскаго дѣла, едва прикрытыя притвор-
ными словами о якобы новой справедливости!

Проф. П. М. Богаевскій

Н. А. ЕПАНЧИНЪ

КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ 1877 — 78 г. г.

„Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“. Іоан. 15:13.
„Если Россію постигнетъ неудача, то это будетъ несчастьемъ для человѣчества и хри-
стіанъ; если же она достигнетъ успѣха, она пріобрѣтетъ безсмертную славу“.

Рѣчь Гладстона, 2 мая 1877 г.

12/24 апрѣля с. г., въ день
Свѣтлаго Христова Воскресенія,
исполняется пятидесятилѣтіе со
дня объявленія освободительной
войны 1877 — 78 г. г., — Кре-
стового похода, предприня-
таго любовью и волею Русскаго
Царя и Русскаго Народа, ради
освобожденія миллионъ христіанъ
изъ турецкаго рабства.

Съ давнихъ временъ Россія
была защитницей этихъ христіанъ;
съ давнихъ же временъ стреми-
лась она и къ тому, чтобы обез-
печить свое положеніе на бере-
гахъ Чернаго моря.

Первая задача не могла дать
немедленныхъ реальныхъ выгодъ;
но великій христіанскій народъ и
не можетъ преслѣдовать однѣ
эгоистическія цѣли. Христіанскій
великій народъ не можетъ быть
себялюбцемъ, онъ долженъ быть
человѣколюбцемъ, иначе
онъ не христіанскій народъ и не
великій.

И если преслѣдованіе возвы-
шенной, великодушной цѣли при-

Государь Императоръ въ походной шинели

водитъ иногда къ невыгоднымъ
послѣдствіямъ, то это только вре-
менно такъ: тѣло народа стра-
даетъ, но духъ его закаляется
въ испытаніяхъ, и народъ, очи-
щенный и обновленный страда-
ніемъ, будетъ жить съ большей
силой, въ большемъ блескѣ, чѣмъ
прежде. Такъ было съ русскимъ
народомъ всегда послѣ потрясе-
ній, выпадавшихъ на его долю,
ибо отъ этихъ испытаній не уга-
сала, а крѣпъ его духъ.

Полвѣка тому назадъ вновь
передъ Россіей стали обѣ иско-
ныя историческія задачи. Въ
1875 г. вспыхнули волненія среди
христіанъ Турціи, вызванныя при-
тѣсненіями властей и звѣрствами
баши-бузуковъ. Ужасная участь
христіанъ привлекла вниманіе все-
го христіанскаго міра, но полное
сочувствіе христіане нашли только
въ сердцахъ Царя-Освободителя и
освобожденнаго имъ народа.

По почину Россіи начались
переговоры европейскихъ дер-
жавъ съ Турціей. По всей Руси

собирались пожертвования въ пользу христіанъ, и когда турки двинули противъ Сербіи свои полчища, тогда русскіе добровольцы - крестоносцы пошли въ Сербію и вмѣстѣ съ сербами мужественно сражались подъ начальствомъ ген. М. Г. Черняева.

И на этотъ разъ, какъ встарь, была явлена міру священная традиція русскаго челоѣка — выступать добровольцемъ, жертвующимъ и достояніе, и жизнь за дѣло Божіе...

Долго боролись сербы съ турками, но 17 октября 1876 г. турки одержали у Дюниша рѣшающій успѣхъ. Подавлено было и возстаніе болгаръ, начавшееся въ 1876 г. Тогда-то раздался мощный голосъ Царя православнаго — онъ заступился за сербовъ и просилъ султана прекратить наступленіе. Заступничество Царя удалось исполнить.

Между тѣмъ переговоры продолжались, и въ концѣ 76 г. выяснилось, что противъ будутъ Англія и Австрія.

Турція, убѣдившись въ отсутствіи единенія между европейскими державами и втайнѣ подстрекаемая нѣкоторыми изъ нихъ, отвергла всѣ сдѣланныя ей предложенія.

Оставалось послѣднее средство — война, и она была объявлена 12/24 апрѣля 1877 г.

Вслѣдъ за Россіей войну объявили Черногорія и Румынія; Сербія, ослабленная войной, не могла этого сдѣлать. Греція, подъ угрозой Англіи, не могла выступить.

Рѣшено было — занявъ Румынію — переправиться черезъ Дунай у Систова и наступать на Шипку, Адрианополь и Константинополь, который былъ избранъ главнымъ предметомъ дѣйствій арміи, но который рѣшено было не брать въ обладаніе Россіи.

Главномандующимъ балканской арміи былъ назначенъ вел. князь Николай Николаевичъ, братъ императора. Великій князь пользовался большою и вполне заслуженною популярностью въ арміи; онъ страстно любилъ военное дѣло и задолго до войны готовился къ ней; такъ въ 73 г., принявъ поѣздку въ Св. Землю, онъ проѣхалъ на пароходѣ средній и нижній Дунай и произвелъ развѣдку этой рѣки. Главномандующій обладалъ даромъ привлекать сердца подчиненныхъ, проявляя свойственную ему сердечность и заботу о поддержаніи нравственнаго настроенія войскъ. Дѣйствуя такъ, онъ доказалъ, что ясно понимаетъ сущность военнаго дѣла; сущность же военнаго дѣла въ томъ,

Ветеранъ Балканской войны
Вел. Кн. Николай Николаевичъ
(1926 г. — Шуаньби)

что въ немъ главное значеніе имѣетъ нравственное начало, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ успѣхъ на войнѣ.

Императоръ, назначивъ своего брата главнокомандующимъ, предоставилъ ему полную самостоятельность и предполагалъ, какъ онъ самъ выразился, быть во время войны „братомъ милосердія“, посѣщая войска, чтобы поблагодарить ихъ за боевую службу и ободрить раненыхъ и больныхъ.

Никогда отношенія между Царемъ, Народомъ и Войскомъ не были столь близки, сердечны, какъ во время Крестоваго похода, къ которому народъ и армія относились такъ сочувственно и сознательно.

И это было главнымъ залогомъ успѣха; „каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ“, — говорилъ Суворовъ, и въ данномъ случаѣ и народъ, и армія ясно понимали, почему они воюютъ и за что они приносятъ жертвы.

Въ началѣ похода армія должна была переправиться черезъ Дунай. Эта трудная операція была тщательно подготовлена, и главная переправа совершилась въ ночь на 15 іюня у Систова, подъ начальствомъ ген. Радецкаго и Драгомирова. По справедливости эта блистательная переправа считается классическимъ примѣромъ подобныхъ предпріятій.

На другой день Государь переправился черезъ Дунай и былъ восторженно встрѣченъ войсками и болгарами. Войдя въ кругъ офицеровъ и солдатъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ сказалъ онъ: „съ малолѣтства сроднившись съ арміей, я не вытерпѣлъ и пріѣхалъ, чтобы раздѣлить съ вами труды и радости“.

Послѣ переправы, войска двинулись по тремъ направленіямъ: на югъ, къ Шипкѣ — отрядъ ген. Гурко, на востокъ — отрядъ Цесаревича Александра Александровича и на западъ — 9-ый корпусъ къ крѣп. Никополь. Событія пошли быстро: черезъ три недѣли войска взяли Никополь, захватили Шипку и заняли значительную часть сѣверной Болгаріи и Добруджи. Но затѣмъ обстановка измѣнилась въ неблагоприятную сторону: турки перешли въ наступленіе по всему фронту. Противъ нашего праваго фланга двинулся Османъ-паша и занялъ Плевну; противъ отряда ген. Гурко наступалъ Сулейманъ; противъ отряда Цесаревича — Мехметъ-Али.

Россія по праву гордилась своимъ воинствомъ — простымъ въ своемъ мужествѣ, скромнымъ въ подвигахъ и несравненнымъ въ его доблести.

Еще юнымъ, на равнинахъ и въ горахъ Болгаріи, я узналъ и оцѣнилъ его качества и вѣрю въ него съ той же крѣпостью, какъ въ Русскій Народъ.

Шуаньби.

16 Февраля / 1 Марта 1927 г.
ШУАНЬБИ.

8 и 18 іюля мы атаковали Плевну, но безъ успѣха. На Шипкѣ шла ожесточенная борьба, но наши войска и болгарскіе ополченцы блистательно отбили всѣ атаки. Османъ двинулся изъ Плевны, но былъ разбитъ у Пелишата. Несокрушимой стѣной стоялъ отрядъ Цесаревича.

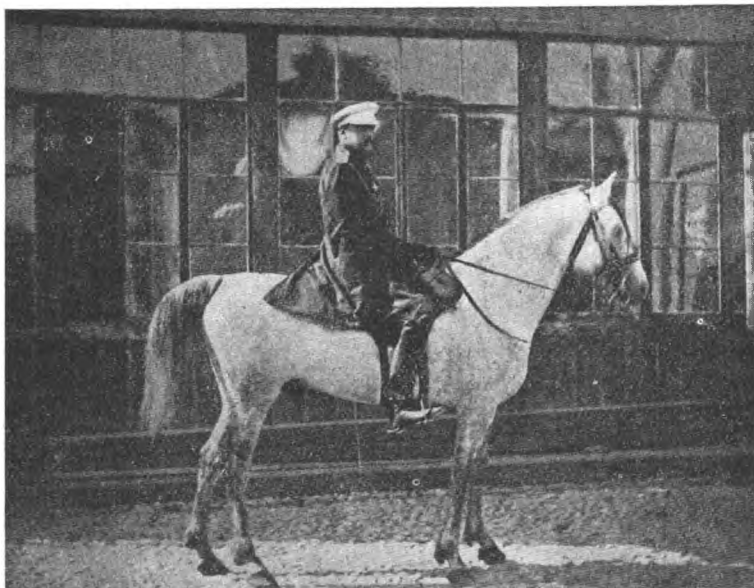
30 августа мы вновь атаковали Плевну, но, несмотря на доблестное поведеніе нашихъ и румынскихъ войскъ, атака не удалась. Тогда рѣшено было стянуть къ Плевнѣ вызванные изъ Россіи подкрѣпленія и окружить ее. Но и турки приняли рядъ мѣръ для освобожденія Османа, однако безуспѣшно.

Тогда кор. Викторія воспользовалась нашими временными затрудненіями и предложила свое посредничество, но съ условіемъ, чтобы до начала переговоровъ наша армія ушла за Дунай. Государь съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе.

Наконецъ доблестный защитникъ Плевны рѣшилъ прорвать желѣзное кольцо нашихъ войскъ, и въ ночь на 28 ноября начался прорывъ, но наши войска окружили турокъ, и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, Османъ, раненый въ ногу, долженъ былъ сдаться. Государь милостиво принялъ плѣннаго пашу и, отпуская его, сказалъ: „Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости и возвращаю вамъ саблю“.

30 ноября у Государя былъ собранъ военный совѣтъ, и на вопросъ Императора, что намѣренъ дѣлать главнокомандующій, великій князь отвѣтилъ: „то, чего никто не ожидаетъ“ и доложилъ планъ перехода черезъ Балканы.

Да, этого никто не ожидалъ, и даже такой авторитетъ и знатокъ Балканъ, какъ Мольтке, считалъ зимній переходъ черезъ эти горы невозможнымъ. Но русскій главнокомандующій, зная высокія качества русской арміи, былъ убѣжденъ,

Главнокомандующій въ Плоэшти
(Совр. фот., сохранившаяся у Вел. Кн. Николая Николаевича)

что для нея ничего нѣтъ невозможнаго.

Рѣшеніе главнокомандующаго идти за Балканы было основано на желаніи использовать сильное впечатлѣніе, произведенное на турокъ паденіемъ Плевны, и не дать имъ времени для подготовки противодѣйствія. Съ нравственной и стратегической стороны это рѣшеніе было вполне цѣлесообразно; Государь утвердилъ этотъ планъ, и 5 декабря отъѣхалъ изъ арміи, пробывъ съ нею болѣе шести мѣсяцевъ.

Войска должны были перейти Балканы по двумъ главнымъ направленіямъ: ген. Гурко

черезъ Этропольскіе Балканы, ген. Радецкій у Шипки.

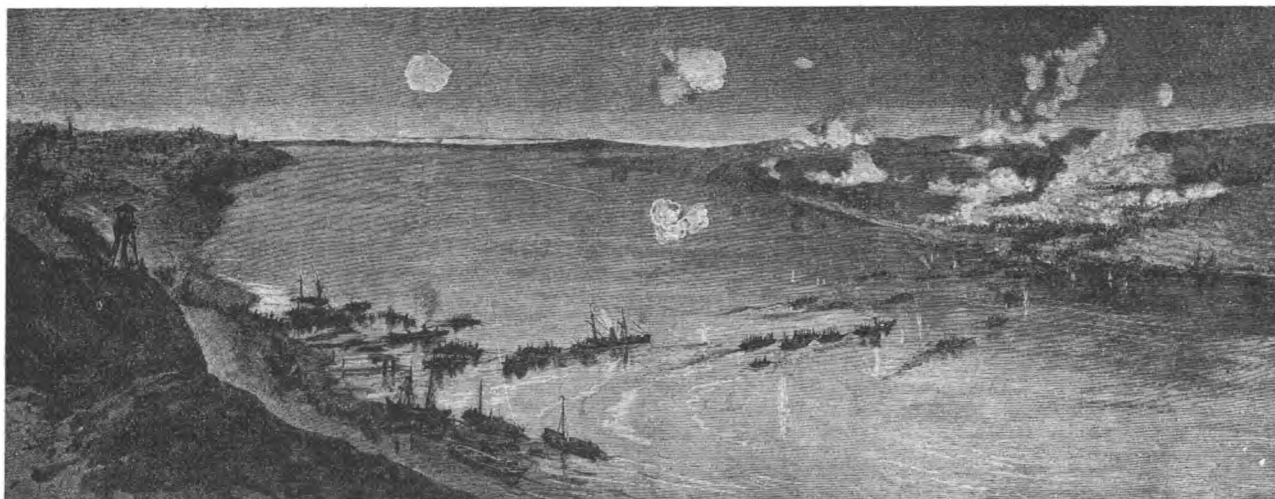
Первымъ перешелъ Балканы ген. Гурко, 19 декабря разбилъ турокъ у Ташкисена, 23 декабря занялъ Софію, а 3—5 января 78 г. разгромилъ армію Сулеймана у Филиппополя.

Ген. Радецкій, послѣ упорныхъ боевъ, окружилъ 28 декабря армію Весселя-паши и взялъ ее въ плѣнъ.

Такимъ образомъ, переходъ черезъ Балканы увѣчался полнымъ успѣхомъ, и въ этомъ величественномъ событіи ярко выявились дивныя качества русскаго офицера и солдата, воскресившія славу суворовскихъ чудо-богатырей.

Горы, занесенныя снѣгомъ, обледѣлыя горныя тропинки, снѣжныя бури, морозы до 25°, движеніе днемъ и ночью втеченіе нѣсколькихъ сутокъ, безъ отдыха, безъ сна, безъ горячей пищи — все это даетъ слабое понятіе о томъ, что перетерпѣли наши войска. Одежда, истрепанная долгой бивачной жизнью, плохо защищала отъ стужи. При такихъ условіяхъ надо было тащить тяжелыя орудія по едва проходимымъ тропамъ. И это еще не все — надо было выдерживать при этомъ рядъ боевъ...

Война, съ одной стороны, есть явленіе полное ужасовъ,

Переправа черезъ Дунай русской арміи у Галаца въ ночь на 10 іюня

но мало такихъ явленій въ жизни челоѣчества, гдѣ бы въ такомъ блескѣ выявлялась духовная мощь челоѣка. Лишенія и испытанія сближаютъ людей, и на войнѣ особенно понятны нужды ближняго, и потому-то на войнѣ и легче, и чаще примѣняется святая заповѣдь: „любите другъ друга“.

Особенно надо подчеркнуть ту внутреннюю спайку, благодаря которой армія была дружной семьей. Этимъ качествомъ всегда отличалось русское воинство въ свѣтлыя времена его исторической жизни. Такими были и войны Московской Руси, и „чада Петровы“, и суворовскіе „чудо-богатыри“, и тѣ, которые вели гигантскую борьбу съ Фридрихомъ и Наполеономъ и водрузили наши знамена въ Берлинъ, въ Парижъ и на С. Готардъ; такими они были и въ Севастополѣ.

Такою была и армія времени Александра II.

Перейдя Балканы, войска двинулись въ южную Турцію по тѣмъ путямъ, по которымъ нѣкогда наступали римскіе легіоны, дружины Святослава, полчища крестоносцевъ и наши войска въ 1829 г., и они „не пошли, а полетѣли“, какъ выразился главнокомандующій.

Уже 8 января 78 г. конному отряду ген. Струкова сдался Адрианополь — сильная крѣпость, созданная при помощи англичанъ; и турки стали добиваться мира.

Государь предписалъ главнокомандующему наступать на самый Константинополь, если турки въ трехдневный срокъ не подпишутъ предварительныхъ условій мира; это было исполнено 19 января въ Адрианополь.

Блестящіе успѣхи нашей арміи встревожили англичанъ, и ихъ флотъ вошелъ въ Мраморное море. Тогда Государь повелѣлъ главнокомандующему „немедленно занять Константинополь, если англичане войдутъ въ Босфоръ“. Но флотъ удалился въ Измидъ, и вопросъ

Ницца, мартъ 1927 г.

Домъ Главнокомандующаго въ Плоэшти
(Совр. фотогр.)

ную, но, въ сущности, обѣ были свободны; Боснія и Герцеговина получили автономію.

Всего этого достигла Россія, не взирая на тайное и явное противодѣйствіе Европы.

Вездѣ, гдѣ царитъ свѣтъ и любовь, будутъ чтить свѣтлую память Великаго Царя - Освободителя и не только въ Россіи, гдѣ народъ воздвигъ ему свыше двухъ тысячъ памятниковъ, но и далеко за пределами ея.

Въ Софіи въ память его воздвигнуты величественный

памятникъ и великокопѣнный храмъ; во всѣхъ болгарскихъ храмахъ за каждой литургіей, во время великаго входа, поминаютъ „Великаго Освободителя нашего Императора Александра Николаевича“.

Онѣ палъ жертвою темныхъ силъ; эти силы ясно сознавали, что Великій Царь ведетъ Россію къ величію, а имъ „не нужна была великая Россія, имъ нужны были великія потрясенія“.

Мы же помянемъ свѣтлую личность Великаго Царя - Освободителя, Царя-Мученика, и сотворимъ ему и всѣмъ души свои

въ Крестовомъ походѣ за братьевъ своихъ положившимъ — вѣчную память.

Н. А. Епанчинъ

ПОЖЕЛТЫЛЫЯ ГАЗЕТЫ

Мелочи, пожалуй, полнѣе всего хранятъ черты эпохи, ея живое дыханіе.

По старымъ, уже тронутымъ архивной прожельтю газетамъ и журналамъ 1877 года, попадались мнѣ въ глаза такіа мелочи.

Разглядывалъ я, напримѣръ, на литографіяхъ того времени кэпи, знаменитое солдатское кэпи Александра - Освободителя.

Единственное царствованіе послѣ пудренныхъ вѣковъ, когда Россія даже въ «головномъ уборѣ нижнихъ чиновъ» выбирала отличную отъ прусскаго штампана дорогу.

И вотъ, примѣтилъ я, что это изящное и легкое солдатское кэпи было съ длиннымъ лакированнымъ козырькомъ, тулья горбушкой и на самомъ краю горбушки — маленькая круглая кокарда, а цвѣтъ полка, означался по нижнему краю тульи цвѣтомъ суконной полоски: у лейбъ-гвардіи преображенцевъ — красный, у семеновцевъ — синий, у павловцевъ — бѣлый.

И любопытно, что у нашихъ казаковъ были тогда не папахи, а высокіе кожаные киверки, тоже съ козырьками, похожіе на глянцеитые лихіе цилиндры.

А эти отложные воротники со смѣлыми кантами черныхъ галстуковъ, эти вовсе штатскія крахмальные манишки у дунайскихъ русскихъ моряковъ. Густыя баки, буйные волосы. Всѣ чѣмъ-то похожи на героевъ Жюль Верна или Фенимора Купера: можетъ быть, изящной бодростью лицъ; можетъ быть, всей романтической вѣшностью, не подстриженной подъ скучный ранжиръ.

У знаменитаго моряка 1877 года Скрыдлова — кто же не помнитъ Скрыдлова — такое милое штатское пенснэ на шелковомъ шнуркѣ, а обликомъ своимъ, пышными баками, правда пробритыми на подбородкѣ, и закинутой гривой, живо напоминаетъ Скрыдловъ самого автора «80.000 верстъ подъ водою». Вотъ молодой Дубасовъ въ тѣ славные годы былъ, вѣроятно, щеголемъ: галстукъ у него особливый вихремъ, а по впалымъ щекамъ пущены «бри-танскія» баки.

Я долго смотрѣлъ на журнальный рисунокъ со старой фотографіи: поручикъ Тхоржевскій. Безстрашный юноша, герой штурма Карса. Вѣроятно, зарисованъ на позиціяхъ: куца шинелька застегнута не на тѣ пуговицы, шея обмотана гаруснымъ шарфомъ, и

кэпи такъ изящно и такъ смѣло — чуть набекрень, и видна черная, какъ смоль прядь, а въ рукахъ сигарета...

Или государь Александръ Второй на галдерейкѣ полевой штабъ-квартиры. Вглядитесь, съ какой благородной простотой сидитъ императоръ, закинувъ ногу на ногу на болгарскомъ подоконникѣ. А у ногъ — знаменитый его меделаянъ.

Какое-то изящество и благородная простота, и свѣтлая бодрость была въ этомъ царствованіи великихъ освободительныхъ реформъ и Освободительной войны, въ этомъ царствованіи, оборванномъ такъ мучительно, такъ безпощадно и слѣпо... Потомъ съ Александра Третьяго всѣ снимки, всѣ фотографіи начали по-казенному сѣрѣть и мрачнѣть: Россія грузно стала погружаться въ сумерки...

А эта цѣпочка отъ часовъ съ печатками и брелоками за бортомъ военнаго скюртука майора Горталова. Такая штатская, такая «неполагающаяся» цѣпочка съ печатками, серебряными корабликами, кораллами, рыбками.

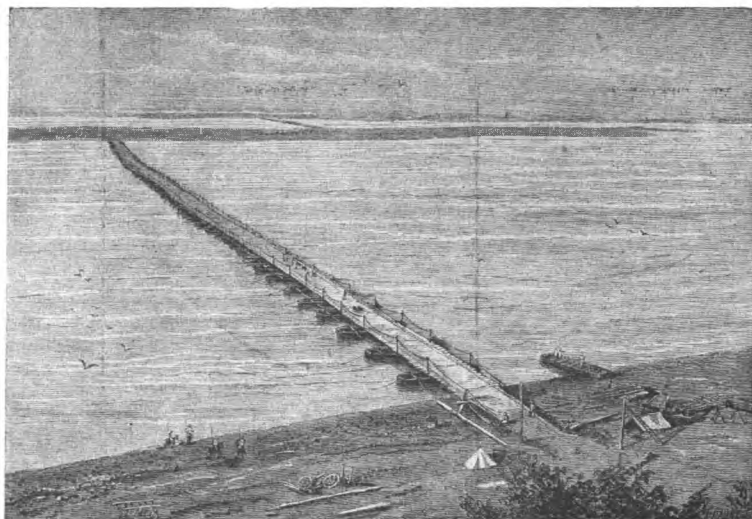
Цѣпочка майора Горталова, имя котораго вплетено въ неслѣпный вѣнецъ русскаго героизма и русскаго мученичества... Тяжелые бои подъ Плевной, второй неудачный штурмъ 30 августа въ пасмурный и сырой день ангела Александра Второго... Скобелевъ отъ Зеленыхъ горъ захватилъ турецкій редутъ. Тамъ — Горталовъ... Турецкія контръ-атаки. Отъ Скобелева приказъ держаться до послѣдней крайности. Но штабъ не даетъ, не можетъ дать помощи... Все сметено турецкимъ огнемъ, все горитъ... Отбиты пять атакъ... Изъ груды турецкихъ и русскихъ труповъ послѣдніе защитники Горталовскаго редута громоздятъ валь... Турецкій огонь сметаеъ валь мертвецовъ...

Османовы аскеры идутъ въ шестую атаку... Обходятъ съ тыла... Помощи нѣтъ... На редутѣ, скользая въ мертвецахъ, въ крови, задыхаются послѣдніе защитники... У раскаленныхъ берданокъ нѣтъ патроновъ... Нѣтъ помощи... Пушки Скобелева съ Зеленой горы замѣтили обходъ, облили аскеровъ очередями, закипѣла картечь... Красныя фески отхлынули... Пушки умолкли... Послѣдняя картечь... Помощи нѣтъ.

— Братцы, уходите! Пробежитесь штыками, спасайте знамя...

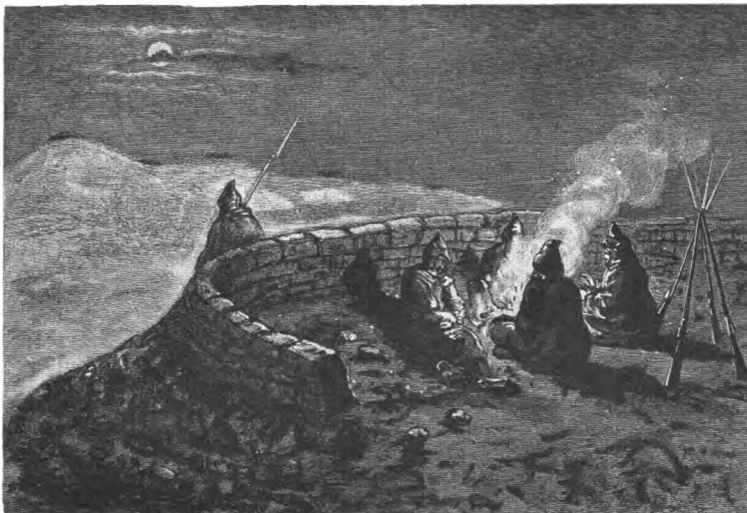
„Бѣлый генералъ“ — М. Д. Скобелевъ

Мостъ черезъ Дунай около Систово

Скажите Скобелеву, что я сдержалъ слово... Съ Богомъ! Братцы!

Кэпи, пригибаясь, ныряютъ въ пороховой дымъ... Прихлынули красныя волны фесокъ, кипятъ, захлебываясь въ гортанномъ гоготаньи, провалились въ редутъ... На штыки, на турецкія широкія лезвія подброшено въ воздухъ, на штыки пало, затрепетало на десяткахъ турецкихъ штыковъ тѣло единственнаго защитника редута, майора Гортова.

Дежурные въ ложементѣхъ

Перекидываю пожелтѣлыя листы старыхъ газетъ 1877 года.

Вы знаете, что у Болгарскаго Ополченія, у героическаго ядра болгарской арміи есть священное знамя — Самарское знамя.

«Привезли его въ Плоэшти въ Румынію, съ Волги, городской голова Самары Кожевниковъ и гласный самарской думы Алибинъ. Русское трехцвѣтное полотнище — красное, бѣлое и синее. На бѣлой полосѣ золотомъ тканый крестъ, а въ немъ шитый образъ Иверской Божіей Матери. На другой сторонѣ полосы, въ золотомъ крестѣ, — святые Кирилла и Меѳодій. Серебряное копье на навершии, надписи на лентахъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его» и «Городъ Самара Болгарскому Народу въ 1877 году».

«Кончилось молебствіе. Началась прибавка знамени къ древку. Первый гвоздь вбилъ главнокомандующій, за нимъ Непокойицкій, Столѣтовъ, самарскій голова и Алибинъ.

Послѣднимъ подвели подъ руки Цеко Петковича. Болгарскій воевода Цеко Петковичъ — старикъ, тридцать два года своей жизни проведеншія въ постоянной борьбѣ съ турками. Безчисленные шрамы отъ турецкихъ ятагановъ и пуль бороздятъ его лицо и грудь. На высохшей шеѣ слѣды турецкой цѣпи, на которой онъ два съ половиной года высиждалъ въ турецкомъ подземельѣ. Старый герой однимъ изъ первыхъ сталъ въ ряды ополченія.

— Да поможетъ Богъ этому святому

знамени изъ конца въ конецъ пройти несчастную землю болгарскую. Да утрутъ этимъ знаменемъ наши матери, жены и дѣти свои скорбныя очи. Да бѣжитъ въ страхъ все нечистое зло передъ нимъ, и со знаменемъ этимъ да настанетъ прочный миръ и благоденствіе.

Голосъ Цеко дрожалъ, прерывался; вся огромная толпа, затаивъ дыханіе, слушала вдохновенныя слова. Старый Цеко взялъ молотокъ и съ силой ударилъ по серебряной шляпкѣ гвоздя.

Въ эту минуту всѣ, кто ни былъ на лугу, вздрогнули. Вдругъ раскатился глухой грохотъ... Это въ Карпатахъ изъ грозовой тучи грянулъ громъ.

— Добрый знакъ, добрый, — загудѣла толпа, а старый Цеко, упавъ на колѣна, съ рыданіями цѣловалъ первое болгарское знамя.

«Въ день переправы русскихъ войскъ черезъ Ду-

Лейбъ-егеря — въ ложементы противъ турецкой позиціи на Шандорникъ. (Съ натуры)

най, государь Александръ [Второй надѣлъ Георгіевскій крестъ.

— Я сегодня, — сказалъ Его Величество, — нарочно надѣлъ Георгіевскій крестъ покойнаго государя Александра Павловича. Онъ счастливый, при немъ всегда одерживались побѣды»...

«Пятаго іюля двинулись на выручку Шипки. вмѣстѣ со средней колонной шли на шипкинский перевалъ адъютантъ главнокомандующаго Струковъ, командиръ второй бригады дивизіи, генералъ Дерожинскій и назначенный начальникомъ штаба габровскаго отряда, въ составѣ Орловскаго полка съ артиллеріей, высокій и тощій молодой капитанъ, великій князь Николай Николаевичъ Младшій»...

«Второго іюля отрядъ Гурко впервые перешелъ Балканы.

Казаки проворно обрыскали всю Долину Розъ.

Это былъ не походъ, а праздникъ. Горячее солнце, прекрасные сады. Кругомъ — обиліе, красное вино лилось рѣкой, дружно пѣлись веселыя пѣсни съ болгарками... Жилось здѣсь всею отменно хорошо... Казаки мазали сѣдла, амуницію и сапоги розовымъ масломъ, и только убѣдительное внушеніе начальниковъ, доказавшее имъ, что отъ подобной смазки «казенное добро перепрѣть можетъ» прекратило такое употребленіе брошеннаго турками въ Казанлыкѣ нѣжнаго косметическаго продукта.

«Послѣ побѣды подъ Ловчей въ турецкихъ окопахъ было найдено безчисленное множество патроновъ и превосходныхъ ружей Пибоди. Громадные запасы провіанта достались побѣдителямъ.

Между прочимъ въ редутѣ и траншеѣ массами были найдены иностранныя газеты и книги, а между ними при разборѣ нашли и произведеніе старообрядческой литературы «Сонъ Пресвятой Богородицы».

«Извѣстно, что въ турецкой кавалеріи попадались некрасовцы, русскіе казаки-старообрядцы, подавшіеся турецкому султану въ дни желѣзныхъ гоненій Петра Великаго.

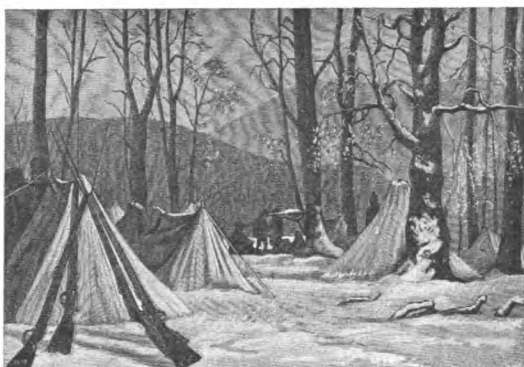
Размахивая своими косматыми шапками, они быстро проносились иногда вмѣстѣ съ турецкими черкесами передъ русскими рядами, съ криками —

— Братцы, землячки, христолюбцы,

не стрѣляйте! Свои, родимцы, свои... Неволѣй насъ гонять!

И такъ же быстро уносились.

Некрасовцы никогда не рубились и не стрѣляли. Наши ихъ тоже щадили. Сраженительно много некрасовцевъ сдалось въ плѣнъ»

Бивуаки на Балканахъ. (Съ натуры)

«Подъ Плевной начались однообразные дни.

Съ разсвѣта не смолкала канонада. Жизнь въ скобелевской траншеѣ обособилась отъ жизни другихъ войсковыхъ частей. Скобелевъ создавалъ вокругъ своихъ обстановку, которая заставляла бы ихъ по возможности забывать о постоянной опасности.

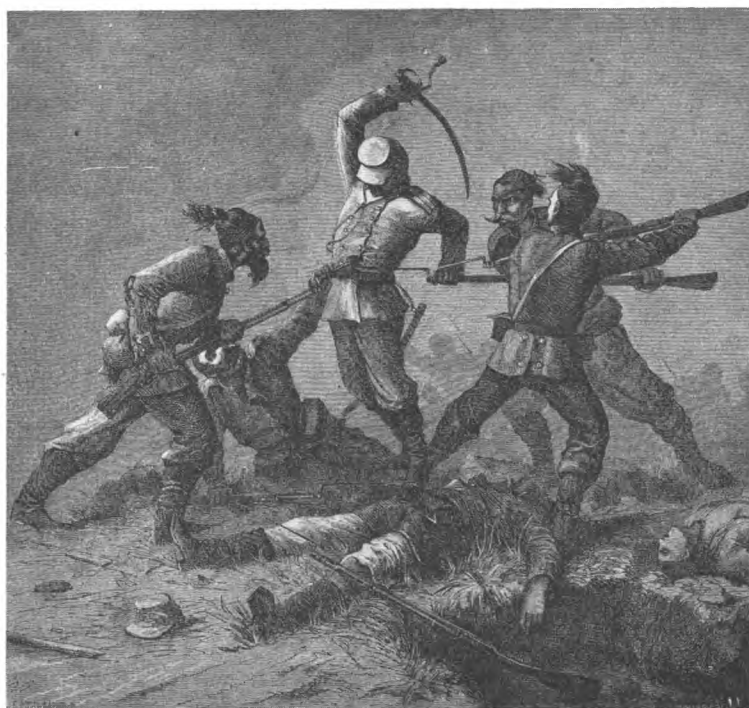
Траншеи у него назывались «Невскимъ проспектомъ», «Большой Морской»; центральное мѣсто на гребнѣ насыпи, наиболѣе

открытое для турецкихъ выстрѣловъ — гостиницей «Бельвю». Часто на скобелевскихъ траншеяхъ гремѣла подъ огнемъ парадная музыка, приводившая въ неистовство турокъ».

«... Бѣлый генералъ Скобелевъ повелъ свои полки на штурмъ Абдулъ-Таби и Реджи-Таби, бывшихъ ключомъ ко всей плевненской позиціи.

Бѣлый конь генерала уже по животъ забрызганъ грязью. А самъ Михаилъ Дмитріевичъ какъ будто не въ бой, а на веселый балъ собрался. Тщательно расчесана на двѣ стороны его великолѣпная русая борода. Бѣлый китель на немъ и пальто, какъ съ иголки. Отъ Скобелева еще издали слышенъ аромат тонкихъ англійскихъ духовъ»...

«Вотъ «нарядъ» гвардейца на зимнемъ переходѣ Балканъ: на ногахъ у него мѣшковатая, неуклюжая

Геройская смерть майора Горталова, въ отрядѣ Скобелева.

обувь, сдѣланная имъ самимъ изъ буйволонной шкуры, обращенной мѣхомъ внизъ, и эта самодѣльщина надѣта на сапоги, чтобы лучше согрѣвалась нога, похожая на ступню какого-то чудовища. На плечи накинуто полотно палатки. Въ это полотно солдатъ закутался со всѣмъ, прижавъ концы его, вмѣстѣ съ ружьемъ, къ груди. Видны только глаза, часть носа да торчащій сверху острый кончикъ башлыка.

Полотно насквозь пропиталось снѣгомъ, обмерзло и сидитъ на солдатѣ, на подобіе бѣлой ризы».

«19 февраля 1878 года въ Санъ-Стефано былъ подписанъ миръ. «Еще съ двухъ ча-

совъ дня русскія войска были собраны для парада.

Бьетъ три часа, бьетъ четыре, а войска все стоятъ въ своихъ грозныхъ колоннахъ и глядятъ на Царьградъ, до котораго отъ Санъ-Стефано просто рукой подать, одинъ шагъ...

По сторонамъ фронта громадныя толпы самой разнообразной публики, собравшейся сюда и пѣшкомъ, и верхами, и въ экипажахъ изъ Константинополя, Санъ-Стефано и всѣхъ окрестностей турецкой столицы, чтобы поглядѣть на русскія войска.

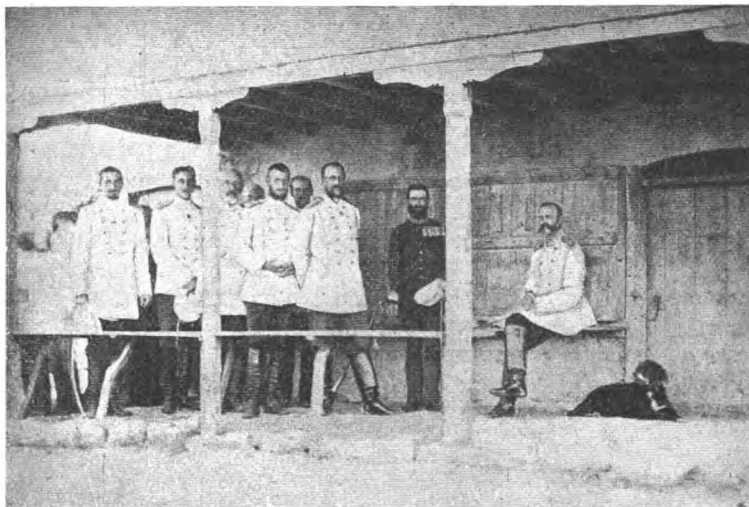
Солдаты, скучая, переминаются съ ноги на ногу. Дождь краплетъ мелкими каплями. Западный вѣтеръ съ шумомъ треплетъ гордыя лохмотья гвардейскихъ знаменъ.

Въ половинѣ шестого часа вечера великій князь Николай Николаевичъ Старшій, окруженный многочисленною свитой, показался верхомъ на въѣздѣ изъ Санъ-Стефано.

Когда вокругъ главнокомандующаго тѣсно сплотилась густая толпа офицеровъ, онъ громко сказалъ войскамъ въ воцарившейся мертвой тишинѣ:

— Поздравляю васъ, ребята, Господь благословилъ насъ миромъ.

Раздалось восторженное ура, и чѣмъ дальше слѣдовалъ великій князь, тѣмъ все мощнѣе, все грознѣе оглашались побѣднымъ русскимъ кликомъ и поле,

Государь и Главнокомандующій на галлерей штабъ-квартиры
(Совр. фот.)

и берегъ, и море, усеянное бѣлыми парусами. Турецкіе уполномоченные просили не салютовать, если можно, въ честь мира артиллерійскимъ огнемъ, потому что русскіе залпы могутъ поднять панику въ Стамбулѣ.

Толпы народа подхватили русское ура, полетѣли вверхъ шапки...

Уже наступили полныя сумерки, когда начался церемоніальный маршъ. Можно сказать навѣрное, что до этого знаменательнаго дня никто и никогда изъ насъ, военныхъ, не участво-

валъ въ столь восторженномъ молодецкомъ и романтическомъ парадѣ — въ вечерней тѣмѣ, на исторической землѣ, въ виду мерцавшаго вдали миллиардами огоньковъ Царьграда, на томъ самомъ полѣ, гдѣ когда-то находился станъ русскихъ дружинъ Олега.

«...А когда русскія войска проходили на корабляхъ мимо самаго Константинополя въ Черное море, домой, на всѣхъ ряяхъ и мачтахъ, на всѣхъ палубахъ, гдѣ выстроились бѣлыя кѣпи, не смолкали громоподобные перекаты ура, отъ которыхъ и на Галатѣ, и на Пера сотрясались стекла.

Весь Константинополь высыпалъ на набережныя, молча слушая эту ликующую бурю, этотъ грохотъ побѣды».

Иванъ Лукашъ

Государь Императоръ, Главнокоманд. и князь Карлъ румынскій подъ Шипкой. (Рис. К. Брожа)

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

(50-лѣтіе начала войны за освобожденіе славянъ: 1877 — 1927 г.г.)

I

Странный наплывъ мыслей и прежде всего чувствъ охватываетъ тебя, когда перелистываешь пожелтѣвшія отъ времени страницы журналовъ и газетъ 1877 — 78 г.г.

Становишься лицомъ къ лицу съ „днями и дѣлами“ знаменательныхъ годовъ, дышишь атмосферой ихъ, видишь себя чуть ли не участникомъ совершающихся событий...

И вдругъ какое-нибудь, на первый взглядъ, незначительное замѣчаніе, фактъ отрываютъ отъ прошлаго, которое сдѣлалось такимъ близкимъ, переносятъ въ наше „сегодня“, и прошлое уходитъ въ безконечную даль, и пропадаетъ нужная ясность, и окружаетъ душу „странный наплывъ мыслей и прежде всего чувствъ“...

Что дѣлать! Сейчасъ мы никуда не можемъ уйти отъ себя, „отъ нашихъ дней“. Да и надо ли уходить? Уйдешь и потеряешь себя...

Герой Балканской войны, ген. Гурко

II

Въ сочиненіи Ив. Оболенскаго (Кіевъ 1876 г.) „Московское Государство при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патриархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго“ мы находимъ слѣдующее:

„Говорили, что на Св. Пасху (1656 г.) Государь, христосуясь съ греческими купцами, бывшими въ Москвѣ, сказалъ, между прочимъ, къ нимъ: „Хотите ли вы, ждете ли, чтобы я освободилъ васъ изъ плѣна и выкупилъ?“ И когда они отвѣчали: — „Какъ можетъ быть иначе? какъ намъ не желать этого?“ — онъ прибавилъ: — „Такъ, — поэтому, когда вы возвратитесь въ свою страну, просите всѣхъ монаховъ и епископовъ молить Бога и совершать литургію за меня, чтобы ихъ молитвами дана была мнѣ мощь отрубить голову ихъ врагу“. — И, проливъ при этомъ обильныя слезы, онъ сказалъ потомъ, обратившись къ вельможамъ: — „Мое сердце сокрушается о порабожденіи этихъ бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры; Богъ призоветъ меня къ отчету въ день суда, если, и мѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ. Я не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это дурное состояніе государственныхъ дѣлъ, но со времени моего отца и предшественниковъ его къ намъ не переставали приходить постоянно съ жалобой на угнетеніе

поработителей патриархи, епископы, монахи и простые бѣдняки, изъ которыхъ ни одинъ не приходилъ иначе, какъ только преслѣдуемый суровою печалью и убѣгая отъ жестокости своихъ господъ; и я боюсь вопросовъ, которые мнѣ предложить Творецъ въ тотъ день: и порѣшилъ я въ своемъ умѣ, если Богу угодно, что потрачу всѣ свои войска и свою казну, пролью свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь освободить ихъ“... — На все это вельможи отвѣчали: „Царь, даруй по желанію сердца твоего“.

Итакъ, два вѣка тому назадъ восточный вопросъ вызывалъ уже у русскаго царя „обильныя слезы“ и страстное желаніе „пролить свою кровь до послѣдней капли“, лишь бы освободить угнетенные народы.

III

Объявленіе войны съ нашей стороны послѣдовало 12 апрѣля (24 н. ст.) въ Кишиневѣ, въ присутствіи Александра II-го. Манифестъ былъ прочитанъ войскамъ. Читалъ его преосвященный Павелъ, произнесшій глубокопрочувствованное слово уходившимъ войскамъ, гдѣ онъ, между прочимъ, сказалъ: „Предлежащій вашъ путь хорошо извѣстенъ русскому воинству: онъ утопанъ русскою ногой, усѣянъ костями и напоенъ кровью защитниковъ русскаго народа, Христова имени. Повсюду на своемъ пути вы встрѣтите села, города, крѣпости, рѣки, горы и доли, напоминающіе великія русскія имена, доблестныя дѣла, славныя побѣды русскихъ воиновъ. Мужественно, дерзновенно идите на надлежащій подвигъ!..“

Владыка нашелъ чудесное слово для характеристики всего похода: подвигъ! О томъ же говорилъ и Достоевскій. Къ счастью, онъ, этотъ признанный теперь всѣмъ культурнымъ міромъ гений - провидецъ, жилъ тогда.

„Характерной чертой русскаго народа, — пишетъ Достоевскій, — является исканіе правды и беспокойство по ней. Именно безпокойство; народъ теперь именно „обезпокоенъ“ нравственно. Я убѣжденъ даже, что, если нигилистическая пропаганда не нашла до сихъ поръ путей „въ народъ“, то единственно

К. САВИЦКІЙ — „НА ВОЙНУ“.

К. САВИЦКІЙ — „GOING TO THE WAR“.

по неумѣлости, глупости и неподготовленности пропагаторовъ, не умѣвшихъ даже и подойти къ народу. А то, при самой малой умѣлости, и они бы проникли, какъ проникла штунда. О, надо беречь народъ!.. Конечно, про славянъ народъ нашъ почти - что ничего не зналъ, и, можетъ быть, одинъ кто-нибудь на много-много тысячъ слышалъ, что есть тамъ какіе-то сербы, черногорцы, болгары, единовѣрцы наши... Но зато народъ нашъ, почти весь или въ чрезвычайномъ большинствѣ, слышалъ и знаетъ, что есть православные христіане подъ игомъ Магометовымъ, страдаютъ, мучаются и что даже самая святая мѣста — Іерусалимъ, Аѳонъ — принадлежатъ иновѣрцамъ... Знаетъ объ этомъ народъ (помогли постоянныя паломничества) и очень сокрушается сердцемъ, и только этимъ можно объяснить, почему поднялись воззванія къ пожертвованіямъ, почему появились добровольцы у Черняева, почему съ восторгомъ народъ принялъ объявленіе войны... Да, много благороднаго, умильнаго и сознательнаго объявилось въ эти дни со стороны народа... Въ результатъ эта неслыханная война за слабыхъ и угнетенныхъ для того, чтобы имъ дать жизнь и свободу, а не отнять ихъ, — эта давно уже неслыханная въ мірѣ цѣль войны явилась для всѣхъ нашихъ вѣрующихъ какъ фактъ, подтверждавшій вѣру ихъ... а для Европы большимъ соблазномъ... Она не повѣрила и возмутилась такимъ коварствомъ... и испугалась. И повѣрьте, что не столько пугаетъ ее предполагаемое усиленіе Россіи, какъ именно то, что Россія способна предпринимать такія задачи и цѣли. Замѣтьте это особенно. Предпринимать что-нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европѣ столь непривычнымъ, столь вышедшимъ изъ международныхъ обычаевъ, что поступокъ Россіи принимается естественно Европой не только какъ за варварство „отставшей, звѣрской и непросвѣщенной націи“, способной на низость и глупость затѣять въ нашъ вѣкъ что-то вродѣ прежде бывшихъ въ темные вѣка крестовыхъ походовъ, но даже и за безнравственный фактъ, опасный Европѣ и угрожающій будто бы ея великой цивилизаціи...”

IV

Это отношеніе Европы къ Россіи во время русско-турецкой войны 77 — 78 г. чрезвычайно

Походъ на Шипку отряда кн. Мирскаго (Съ нат.)

характерно. Въ „Московск. Вѣд.“ (№ 235) цитируются, напримѣръ, мнѣнія англійскихъ корреспондентовъ, которые отмѣчаютъ, что „Франція, если въ началѣ войны кокетничала съ Россіей, то теперь совершенно повернулась въ сторону турокъ. Что касается католицизма и папы, то онъ съ самаго начала рѣшительно и страстно, какъ всѣмъ извѣстно, взялъ подъ свою защиту правовѣрную Турцію противъ схизматической Россіи. Неприличіе рьяныхъ клерикаловъ дошло до того, что одинъ изъ нихъ отзывался съ нѣжностью о Коранѣ, такъ что даже ультрамонтанская „Germania“ нашла нужнымъ умѣрить подобныя выходки замѣчаніемъ, что хотя и должно радоваться побѣдамъ турокъ надъ ненавидимыми русскими, но неловко прямо выражать свои симпатіи Исламу“.

Достоевскій замѣчаетъ по этому поводу: „Воинствующій католицизмъ беретъ яростно „и со страстью“ противъ насъ сторону турокъ... Не то, что какой-нибудь прелатъ, а самъ папа громко, въ собраніяхъ ватиканскихъ, съ радостью говорилъ „о побѣдахъ турокъ“ и предрекалъ Россіи „страшную будущность“. Этотъ умирающій старикъ, да еще „глава христіанства“, не постыдился высказать всенародно, что каждый разъ съ веселіемъ выслушиваетъ о пораженіяхъ русскихъ“.

Но, разумѣется, закулисная борьба Англіи съ тогдашней Россіей превосходить все. Консервативное министерство Дербі—Биконсфильда употребляло всѣ усилія, чтобы втянуть Англію въ войну съ Россіей. Теперь мы документально знаемъ, что война была вызвана закулисной поддержкой Порты Англіей, ободравшей Порту на сопротивленіе, ручаясь ей, что дѣло кончится ничѣмъ.

Однако, нужно сказать, что подобная политика была дѣломъ рукъ только кабинета и, главнымъ образомъ, Биконсфильда. На защиту Россіи и ея великаго дѣла выступилъ знаменитый вождь либераловъ Гладстонъ. Онъ произнесъ и въ парламентѣ, и на многочисленныхъ митингахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Бирмингамѣ было до 50.000 чел., рядъ великолѣпныхъ рѣчей, въ которыхъ громилъ Турцію и безпощадно уличалъ правительство въ двуличности образа его дѣйствій.

„Что бы ни говорили о нѣкоторыхъ другихъ главахъ русской исторіи, — говорилъ Гладстонъ, — но освобожденіемъ многихъ миллионъ поработенныхъ народовъ отъ жестокаго

и унижительнаго ига Россія окажетъ человѣчеству одну изъ самыхъ блестящихъ услугъ, какія только помнитъ исторія, услугу, которая никогда не изгладится изъ благодарной памяти народовъ“.

За Гладстономъ пошло все лучшее англійское общество, и только боясь его, Биконсфильдъ не объявилъ войну Россіи, ограничившись „втихомолку“ снабженіемъ турецкой арміи усовершенствованнымъ оружіемъ, отъ котораго такъ пострадали русскія войска.

А что поднялось въ консервативной англійской печати, когда было объявлено о заключеніи мирнаго договора въ Санъ-Стефано, но еще не были опубликованы его пункты! Появились самыя рѣзкія по тону статьи, въ которыхъ доказывалось, что Европа не должна допустить фактическаго осуществленія договора, что Турція только потому и согласилась, что надѣялась на протестъ Европы, и т. д. и т. д.

И Санъ-Стефанскій договоръ былъ пересмотрѣнъ на Берлинскомъ конгрессѣ на пользу Турціи и во вредъ освобожденному славянству!..

V

Когда поближе знакомишься съ тѣмъ, что происходило пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Россіи и въ Европѣ, то удивляешься не тому порыву, который захватилъ русское общество и народъ къ моменту объявленія войны, нѣтъ! Онъ былъ естествененъ. Уже съ 1875 г., когда горсть герцеговинцевъ и босняковъ подняла возстаніе противъ пятисотлѣтняго турецкаго господства, когда Сербія изнемогала въ борьбѣ

съ „больнымъ человѣкомъ“, — такъ называли тогда Турцію, — когда десятки тысячъ болгаръ истекали кровью подъ ударами турецкихъ ятагановъ — уже въ эти дни русскій народъ горячо отозвался на страданія братьевъ-славянъ. Одна черняевская эпопея чего стоитъ! Восточный вопросъ, такой, по существу своему, близкій русскому

народу, всталъ вдругъ во всю ростъ и настойчиво требовалъ себѣ разрѣшенія.

Извѣстный журналистъ и сотрудникъ „Вѣстника Европы“ Евгений Утинъ, журнала, далекаго вообще отъ національных тенденцій, „либеральствующаго“, пишетъ (77 г. № 6 „Болгарія во время войны“): „Всѣ струны общественной жизни были натянуты предъ войной до послѣдней возможности... Каждый день приносилъ новое извѣстіе о балканскихъ ужасахъ, и каждое изъ этихъ извѣстій, казалось, вонзало все глубже и глубже острую иглу въ сердце Россіи. Страданіе самое не поддѣльное, самое безграничное къ горь-

кой участи болгарскаго народа захватило всѣхъ и каждого...“

Какому-то „пессимисту“, усомнившемуся въ историческомъ призваніи Россіи по отношенію къ славянамъ, тотъ же „В. Евр.“ отвѣчалъ словами своего сотрудника (77 г. № 6 327 стр.): „Неужели вы хотите, чтобы мы оставались бездушными зрителями тѣхъ злодѣйствъ, которые разразились надъ бѣдными южными славянами?.. Развѣ желаемый вами образъ дѣйствій отвѣчалъ бы достоинству и чести Россіи?“

Однимъ словомъ, не было тогда въ Россіи журнала, газеты, которые не писали бы о чувствѣ состраданія и страстномъ желаніи русскаго

Дмитріевъ-Оренбургскій — Въѣздъ Вел. Кн. Николая Николаевича въ Тырново

человѣка помочь братьямъ - славянамъ. Создалась поразительная по своему настроенію высокая нравственная атмосфера, возвышающая духъ и совершенно чуждая „политическимъ соображеніямъ“, т. е. какихъ-либо выгодъ, связанныхъ съ войной. О нихъ совѣстились говорить. Будутъ онѣ — хорошо, а не будутъ — Богъ съ ними! Дѣло не въ этомъ, а въ возможно скоромъ спасеніи погибающихъ братьевъ.

Да, историческое свое призваніе, свою „идею“, какъ сказалъ Достоевскій, русскій народъ тогда вдругъ постигнулъ въ возможной для него полнотѣ. И это нисколько неудивительно. Это было естественно. Это отвѣчало всему прошлому Россіи.

Но удивительно, что въ Европѣ нашелся только одинъ государственный умъ, Гладстонъ, который понималъ это и настаивалъ, гдѣ только могъ, не мѣшать Россіи въ исполненіи ея великой миссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не мѣшать ей утолить жажду великаго нравственнаго подвига.

Вотъ съ точки зрѣнія тогдашняго отношенія всей Европы къ Россіи и геніальнаго прозрѣнія Гладстономъ сущности русской души — война 1877 — 1878 г. г. есть для насъ, теперешнихъ, знаменательная дата!

Лагерь казаковъ у Малорошской вышки (Рис. Шамота)

принимались государственными людьми Европы за „всамдѣлишное“.

„О Россіи самая образованная государства,—пишетъ Достоевскій („Дн. П.“ 1877 г.)—со страстью распространяють совершенныя нелѣпости. Въ Европѣ и прежде насъ мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвѣщенные народы такъ

мало интересуются изучать тотъ народъ, который они же такъ ненавидятъ и боятся“.

Эту боязнь европейскіе народы — главнымъ образомъ, въ лицѣ своихъ государственныхъ людей — связывали всегда съ самодержавіемъ, а потому съ величайшей радостью хватались за „всякую революцію“ въ русскомъ народѣ, видя въ ней только одинъ выигрышъ для себя.

Разумѣется, эта „революція“ начала собой и войну 1877 — 78 г. г. Тамъ, у того же Достоевскаго, читаемъ: „Пусть, наконецъ, самыя серьезнѣйшія (курс.

Н. И. Карзинъ — Ген. Скобелевъ подѣ Плевной — атака турецкаго редута

люція“ начала собой и войну 1877 — 78 г. г. Тамъ, у того же Достоевскаго, читаемъ: „Пусть, наконецъ, самыя серьезнѣйшія (курс.

Д-го) изъ политическихъ изданій Европы сообщаютъ за точную истину объ огромномъ бунтѣ народа, предводимомъ нигилистами, на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ и о вытребованныхъ русскимъ начальствомъ двухъ полкахъ по желѣзной дорогѣ изъ Динабурга для спасенія Петербурга, — пусть это все говорятъ они въ слѣпой злобѣ своей... Имъ бы хотѣлось возбудить у себя повсемѣстно къ намъ ненависть, „какъ къ опаснымъ противникамъ ихъ цивилизаціи“, — и вотъ они же представляютъ насъ въ упавшемъ видѣ, въ смѣшномъ до позора слабосилии, какъ государственнаго организма. Но, вѣдь, кто такъ слабъ и ничтоженъ, тотъ можетъ-ли возбуждать противъ себя опасенія?..“

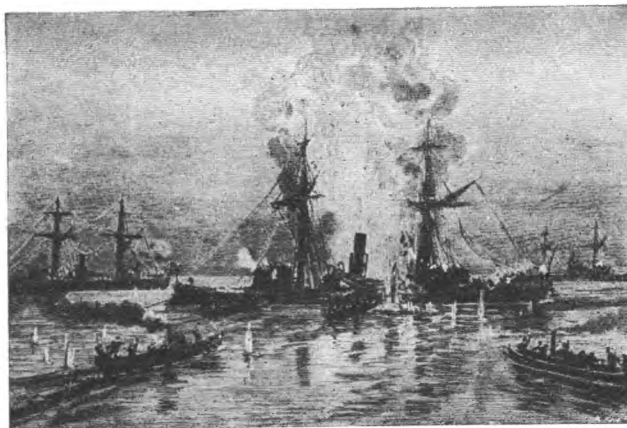
VII

Въ настоящее время Европа имѣетъ дѣло съ революціонной Россіей. Она очень и очень постаралась утопить руссiйское самодержавіе, въ которомъ ея государственные люди видѣли такую угрозу цивилизаціи и культурѣ. Всѣ вѣдь русскіе цари мерещились этой почтенной Европѣ какими-то Атиллами и Чингисъ-ханами, ожидающими лишь благоприятнаго момента, чтобы раздавить Европу.

И европейскій государственный умъ не только добился ликвидаціи руссiйскаго самодержавія. Устроивъ революцію, онъ рѣшилъ затянуть ее, правильно обсудивъ, что голодъ, моръ, междоусобица такъ замутятъ Россію, что тогда бери ее просто голыми руками и разсматривай, какъ колонию, туземцы которой будутъ рады всякимъ „бусамъ“, „зеркаламъ“ и прочимъ блестящимъ погремущкамъ, — вѣдь почти дикари!.. Нечего и некого тогда будетъ бояться! „Чудище обло и стозѣвно“ будетъ низвергнуто.

Для того, чтобы все это продѣлать основательнѣе, европейскій государственный умъ подложилъ Россіи лошадиную дозу самаго сильнаго „медикамента“, сдѣланнаго на европейской же фабриктѣ. Когда „Гладстоны“ завопили, гуманности ради и возможныхъ для Европы „слѣдствій“, имъ заткнули ротъ, призвавъ къ „реальной политикѣ...“

А эти „слѣдствія“ и

Взрывъ броненосца. (Подвигъ Дубасова и Шестакова)

важно похаживать на то, чѣмъ кончилось восемнадцатое столѣтіе, но все-же такимъ же колоссальнымъ, — стихійнымъ, страшнымъ, и тоже съ измѣненіемъ лика міра сего — по крайней мѣрѣ, на Западѣ Европы“.

Мы-то знаемъ теперь, чѣмъ кончился предыдущій вѣкъ... Вотъ только маленькій вопросъ: завершился-ли конецъ этого вѣка? Какъ будто бы еще „продолженіе слѣдуетъ“...

VIII

Въ настоящее время, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, „русская идея“ занимаетъ умы всѣхъ государственныхъ людей не только уже одной Европы. Къ отвѣтственности привлечена и Америка. Снова вопль, что русскіе угрожаютъ цивилизаціи...

Государственные люди Европы, гдѣ же вашъ умъ, прозорливость, дальновидность, т. е. все то, что даетъ право быть государственнымъ человѣкомъ, иначе вѣдать судьбами своей родины? На кого вамъ сейчасъ жаловаться? Кого обвинять? Вѣдь, если, вмѣсто Россіи, сейчасъ С. С. С. Р., а вмѣсто деликатной дипломатіи — (о, какъ возмущался руссiйскій государственный деликатностью Достоевскій! Нашей вѣчной боязнью — не быть европейцами... Почитайте его „Дневникъ“ 77 г...) — дипломатія коминтерна, то всѣ

обязаны этимъ удовольствіемъ только государственнымъ европейскимъ людямъ.

„Хорошъ народъ, если онъ терпитъ такихъ правителей!“ — „Святая Русь?!“

Не нуждается русскій народъ въ защитѣ отъ подобныхъ обвиненій. Всѣми признанный гений — русскій писатель, провидецъ, сказалъ, какъ будто бы имѣя въ виду настоящія времена: „Могучая Русь и не то еще выносила.

Постановка минъ на Дунаѣ близъ Рушука

Да и не таково ея назначеніе и цѣль ея, чтобы зря повернулась она съ вѣковой своей дороги, да и размѣры ея не тѣ. Кто вѣритъ въ Русь, тотъ знаетъ, что вынесетъ она все (курсивъ Дост-го) рѣшительно и останется въ сути своей такою же прежнею святою нашей Русью, какъ и была до сихъ поръ, и, сколь ни измѣнился бы, пожалуй, обликъ ея, но измѣненія облика бояться нечего: кто вѣритъ въ Русь, тому даже стыдно это. Ея назначеніе столь высоко, и ея внутреннее предчувствіе этого назначенія столь ясно, что тотъ, кто вѣруетъ въ это назначеніе, долженъ стоять выше всѣхъ сомнѣній и опасеній“...

Такъ, значитъ, дѣло не въ защитѣ, а въ нѣкоемъ уразумѣніи того, что дѣлается сейчасъ въ Россіи. Понять надо, что нашъ народъ всегда былъ безумно одинокъ въ своемъ исканіи „земли, гдѣ всякъ человѣкъ въ справедливости живетъ“. Вдохновенно объ этомъ говоритъ Достоевскій (Дн. Писат. 1877 г.), заявляя,

что и правительство, и духовенство, и интеллигенція только по-своему опекали народъ, а не руководили имъ. Конечно, этимъ лишь одиночествомъ объясняется развитіе сектантства въ народѣ.

Но, вѣдь, пресловутый коммунизмъ та же вѣра и, по существу своему, онъ прежде всего вѣра, сопровождаемая рядомъ догматовъ. О, какъ вѣровали въ эти догматы въ періодъ 1877—1878 г. г.!

Если бы не вѣровали, то не разбили бы Деникина, Колчака и Врангеля. Прошла и эта вѣра. И она

Шестаковъ и Дубасовъ

обанкротилась. Сейчасъ уже въ Россіи всѣмъ ясно, что „не удалась земля, гдѣ всякъ человѣкъ по справедливости живетъ“. А мечта о справедливости осталась? Да. А жажда подвига во имя ея есть? Да. Тогда, „кто вѣруетъ въ это, долженъ стоять выше всѣхъ сомнѣній и опасеній“...

IX

Сейчасъ Нѣкто переворачиваетъ страницу исторіи человѣчества. Слышится шелестъ ея.

Неизвѣстно, что написано на новой страницѣ и тѣмъ предназначено къ исполненію. Фактъ только, что написано. Если есть рядъ поразительныхъ предсказаній, удивительно исполнившихся, то, значитъ, написанное нѣкіе избранники могутъ прочесть.

Въ такіе часы очень полезно обратиться къ прошлому, именно къ тѣмъ моментамъ его, когда, по отзывамъ современниковъ, также слышался шелестъ страницъ исторіи человѣчества.

Странныя чувства и мысли овладѣваютъ тогда вами. Вы находите связь съ ушедшей эпохой и вашимъ временемъ. Вамъ и больно, больно... И очень серьезно на душѣ...

1877—1878 г. г. — одна изъ такихъ эпохъ, а поэтому 50-іе ея есть знаменательная дата. Если бы европейцы задумались надъ ней, разобравшись въ своемъ отношеніи къ русскому народу, предъ которымъ они такъ глубоко виноваты. Развѣ для этого уже не „исполнилось ли время?“...

Н. И. Мишеевъ

А. Н. Куропаткинъ

Ген. М. Н. Драгомировъ

В. В. Верещагинъ

„Подъ Плевной“

Ген. Ганецкій

Ген. Тотлебенъ

Ген. Радецкій

Ген. Дондуковъ-Корсаковъ

А. ФЕДОРОВЪ

БАЛКАНЫ

I

Балканы! Балканы! Давно это слово
Звучитъ мнѣ сквозь благодный звонъ.
Балканы! Балканы! И снова и снова
Всплываетъ минувшее — сонъ.
Балканы! Балканы! Есть звуки родные,
И власть ихъ надъ сердцемъ сильна.
Семь буквъ неразрывныхъ, вы — звенья стальныхъ
И крѣпче звено отъ звена.
Балканы! О васъ я услышалъ впервые
Въ тѣ свѣтлые дѣтскіе дни,
Когда надъ сознаньемъ, какъ звѣзды живыя,
Встаютъ золотые огни.
Я помню, я помню: прозраченъ и звонокъ
Сіяющій солнечный день,
И я — семилѣтній безпечный ребенокъ,
И вокругъ расцвѣтаетъ сирень.
И кажется гимномъ средь солнца и свѣта
Таинственный гулъ городской.
Вдругъ — новые звуки, и музыка гдѣ-то...
Гремитъ, приливаетъ рѣкой.
Подъ музыку стройно идутъ великаны.
Ко мнѣ наклоняется мать.
Я слышу: — Россія идетъ на Балканы
Славянъ изъ неволи спасать.
Молись о нихъ, мальчикъ, и помни и помни:
Нѣтъ въ мірѣ свѣтлѣе пути,
Нѣтъ подвига выше и жертвы огромнѣй,
Какъ брата собою спасти.
Молись о нихъ, мальчикъ. — И крестится свято
И плачетъ. — И плачу я самъ.
Все это такъ было, такъ было когда-то,
Такъ было. Хвала небесамъ.

II

Но годы прошли. О, такъ много, такъ много
И свѣтлыхъ и сумрачныхъ лѣтъ.
И вотъ, я стою у иного порога —

Мечтатель съдой и поэтъ.

О, мать моя! Я твою заповѣдь строго
Въ измученномъ сердцѣ сберегъ.
Кто вѣритъ въ добро, справедливость и въ Бога,
Въ Россію не вѣритъ не могъ.
Но грозныя бури, но тяжкіе взрывы
Пробились изъ глубей земли.
Блаженны, кто мертвы. Несчастны, кто живы —
Отчизна въ крови и въ пыли.
Нѣтъ злобы предѣла. Нѣтъ мѣры тиранству.
Удушливы кольца змѣи.
Но вѣрю я, вѣрю родному славянству,
Какъ въ дѣтскіе годы мои.
Пусть бури отторгли друзей отъ друга,
Онъ же сольютъ ихъ опять.
Очнутся народы отъ зла и недуга
Лишь мертвымъ живыхъ не понять.
Забудутъ Балканы слѣпыя раздоры,
Разрушатъ насилие и гнѣть.
Славянство одно, какъ Балканскія горы.
Сирень въ моемъ сердцѣ цвѣтеть!

III

Терзаютъ отчизну жестокия раны —
Томится родная въ бреду.
Но вспомнилъ я дѣтство и вспомнилъ Балканы
И снова надѣюсь и жду.
Они предо мною — Балканы — Балканы!
И вздрогнуло сердце, какъ встарь.
Привѣтъ вамъ, въ вѣнцѣ изъ снѣговъ, великаны,
Вамъ, горы, Господній алтарь.
Впитали вы крови російской не мало
И святы мнѣ, святы стократъ,
И руку, дрожащую руку устало
Я вамъ простираю, какъ братъ.
Я — сынъ той Россіи, чья доблесть и сила
Возстать вамъ изъ тьмы помогла —
И я вспоминаю, что было, что было
Въ тѣ дни, какъ сирень расцвѣла.

А. Федоровъ

1877 — 1927

Божіей милостью дожилъ я до пятидесяти-лѣтія шипкинской эпопеи.

Сильныя чувства и теперь будить въ моей душѣ Шипка!

Въ ожиданіи дня полувѣковой годовщины этого великаго для Болгарскаго Ополченія героическаго праздника, я вновь переживаю незабвенныя воспомина-нія, которыя молодятъ мое старое сердце и живо волнуютъ мою душу. Съ радостью и гордостью я, старый воинъ-ополченецъ, могу сказать:

— И я былъ на Шипкѣ.

Ежегодно 11 августа всѣ болгарскія газеты посвящаютъ ополченцамъ и боевымъ дѣламъ ихъ на Шипкѣ патріотическія статьи. И это хорошо: такія воспомина-нія о героическихъ дняхъ нашего дорогаго отечества могуче крѣпятъ наше національное чувство.

Но и болѣетъ моя душа стараго воина, болѣетъ потому, что нѣкоторыя наши газеты какъ бы нарочно избѣгаютъ упоминаній, что на Шипкѣ воистину смѣшалась братская кровь двухъ славянскихъ народовъ — болгаръ и русскихъ; что на Шипкѣ одинаково героически дрались шипкинскіе орлы — болгарскіе герои-ополченцы и славные орловцы и брянцы и доблестная русская артиллерія; что боевая страда Ополченія на Шипкѣ неразрывно и навсегда спаяна съ кровавой страдой русскихъ шипкинскихъ войскъ.

Нельзя дѣлать недѣлимаго.

А дѣлать... И это печалитъ душу мою, и умолчать объ этомъ даже въ нынѣшнемъ году считаю я свято-татствомъ.

Болгарское Ополченіе было сформировано, организовано, одѣто и вооружено нашими братьями-освободителями — русскими. Они обучали и воспитывали его. Всѣ начальники ополченія, отъ ефрейтора и барабанщика до генерала включительно, были русскими.

Всѣ они были отличными бойцами, людьми съ большой боевой практикой, приобрѣтенной ими на Кавказскихъ горахъ и въ туркестанскихъ степяхъ.

Русскіе начальники водили ополченцевъ въ походы и бои, воодушевляя ихъ собственнымъ подвигомъ. Они никогда не отдѣлялись отъ своихъ частей, всегда были при нихъ и въ ихъ боевыхъ окопахъ.

Подъ водительствомъ русскихъ храбрецовъ, глубоко проникнутыхъ сознаніемъ воинскаго долга, Ополченіе наше не посрамило имени болгарскаго.

Тяжелая задача была возложена на защитниковъ Шипки.

Тамъ, на скалахъ, ополченцы, желѣзомъ, свинцомъ и камнями, облитые кровью, цѣлыхъ три дня, въ нестерпимыхъ страданіяхъ, немовѣрныхъ лишеніяхъ и ужасныхъ тревогахъ, должны были нести священный бой.

Не ропталъ никто, всѣ признавали, что наступили великіе судьбоносные дни, когда самъ Создатель пожелалъ испытать народную доблесть болгаръ и духовное право болгарскаго народа на незави-

симость и свободу. И болгарскіе львы исполнили долгъ свой.

Царь-Освободитель и вся родная Болгарія, слѣдя съ трепетомъ за геройской борьбой, возликовали.

Съ гордыхъ Балканъ разнеслась по всему свѣту могучая вѣсть о славной шипкинской эпопее.

И потому, доколѣ есть подъ солнцемъ Болгарія, она будетъ гордо радоваться подвигамъ сыновъ своихъ на Шипкѣ.

Но пусть помнятъ всѣ и никогда не забываютъ, что на Шипкѣ болгары дрались вмѣстѣ съ русскими. Вѣчная слава и вѣчная честь нашимъ кровнымъ братьямъ и вѣрнымъ боевымъ товарищамъ! Русскіе, какъ и мы, героически и самоотверженно сражались, беззавѣтно проливали на Шипкѣ свою кровь, молодецки жертвовали жизнью за нашу свободу, гибли за насъ по ея огненнымъ гранитнымъ скаламъ и въ пропастяхъ.

Но есть еще болѣе

трогательное и священное:

Подъ вечеръ 11 августа, передъ заходомъ солнца, о, это прекрасное солнце — величе-

Ген. запаса Болгарской арміи
А. Блъсковъ, б. ополч. 1877 г.

Подвигъ унтеръ-офицера Болгар. дружины Крудова

Харлампій Карастояновъ

Михаилъ Манчевъ

Петръ Ножаровъ

Георгій Табаковъ

Ветераны Балканской освободительной войны, ополченцы-болгары — георгиевские кавалеры

ственное творение Всемогушаго, щедрый источникъ жизни на землѣ для миллионовъ Божьихъ созданий, какимъ жестокимъ и безпощаднымъ было оно 11 августа для защитниковъ Шипки.

„И слънцето пече ли пече“ *). Да, такъ было тогда на Шипкѣ, правъ безсмертный и непревзойденный по духу и дѣламъ великій болгарскій поэтъ и воевода Христо Ботьовъ!..

11 августа подъ вечеръ турки, все усиливаясь свѣжими силами, вели безчисленныя атаки съ дикимъ ревомъ „Аллахъ-Аллахъ“... Жестокія атаки, все болѣе стремительныя, все болѣе грозныя. Защитники Шипки отъ громаднѣхъ потерь таютъ, ряды бойцовъ рѣдѣютъ; бойцы утомились, истощены; турецкія атаки ожесточеннѣе, упорнѣе.

Ужасная, сатанинская жажда терзала героевъ Шипки — капля воды или смерть — стремились за водой сотнями къ роднику подъ адскимъ огнемъ врага, но крикъ „ура“ изъ пересохшихъ глотокъ звучалъ уже глухо и тяжело.

Души замирали въ ожиданіи двухъ словъ — „помощь, помощь идетъ!“

Вотъ и теперь — черезъ пятьдесятъ лѣтъ — дрожь страданія пробиваетъ меня, когда вспомню я эту ужасную жажду, раскаленный жаръ, пылающій громъ атакъ — нещадное солнце Шипки!

Ружья раскалялись,

патроны были на исходѣ, и вотъ артиллерія турокъ умолкла. Зловѣщій говоръ разнесся по рядамъ защитниковъ... Полчища и орды низама, зейбековъ, черкесъ и башибузуковъ заходятъ въ нашъ тылъ, по обѣимъ сторонамъ Габровскаго шоссе — этой единственной дороги, связывавшей живую Шипку съ человѣческимъ міромъ.

Это была самая горькая минута для героевъ Шипки. Со всѣхъ сторонъ позиціи и со стороны Габровскаго шоссе раздались рѣзкіе звуки турецкихъ трубъ и барабановъ, гортанный вой „Аллахъ — Аллахъ“... Но защитники — слава имъ! — собрали свои послѣднія силы и бросились въ неравную борьбу съ врагомъ.

И снова была потрясена Шипка отъ громового „ура“ и „Аллахъ-Аллахъ“, среди грохота пушекъ и треска ружейныхъ выстрѣловъ, окутанная клубами порохового дыма.

Но врагъ, усиленный приливомъ свѣжихъ борцовъ, начинаетъ одолевать. Шагая по кровавымъ трупамъ своихъ, онъ занимаетъ, наконецъ, шоссе...

Озвѣрѣвшій, съ налитыми кровью глазами, уже торжествуя, призываетъ тѣнь Мохамеда во свидѣтели новой Варфоломеевской ночи и поголовной рѣзни уже окруженныхъ противниковъ: онъ отомститъ за жертвы свои.

Я. Вѣшинъ. — Самарское знамя 1 Болгар. дружины

ПОПОВЪ — „ЗАЩИТА ОРИЕНТАГО ГНѢЗДА“

ПОПОВЪ — „DEFENCE OF THE EAGLE'S NEST“

Померкшіе глаза защитниковъ безнадежно ищутъ на шоссе спасительной помощи, сверканья штыковъ...

И въ эту минуту, какъ бы отъ удара молнии, они остолбенѣли, кровь замерла въ ихъ жилахъ, замеръ духъ: всталъ предъ рядами ихъ любимый вождь, генералъ Столѣтовъ, окруженный достойными помощниками; слезы текли по суровымъ пыльнымъ лицамъ.

Они сгрудились, чтобы сохранить святыню Ополченія—Самарское знамя, чтобы по крайней мѣрѣ спасти его отъ плѣна.

— Все кончено, помощи нѣтъ! — вырвалось изъ груди Столѣтова, создателя первой, послѣ пятилѣтняго рабства, національной болгарской силы.

Всѣ умолкли.

Ополченцы рѣшили въ плѣнъ не сдаваться, предпочитая плѣну даже взаимное самоубійство, если будетъ невозможно пробиться...

И вдругъ загораются Балканы яркимъ пламенемъ, раскатилось грозное эхо. Все живое на Шипкѣ воспрянуло... и разразился ураганъ громового „ура!“ Какъ небесный сверкающій громъ, понесся онъ на Сѣверъ по гранитному тѣлу Шипки.

И потрясающее слово „помощь“, — братья, помощь дойде! — какъ молнія вырвалось изъ пересохшихъ устъ всѣхъ защитниковъ.

Въ слезахъ, съ неописуемой радостью, разразилась тогда Шипка такимъ громовымъ „ура“, что, казалось, загремѣли и загрохотали сами скалы.

А тамъ, на шоссе и сосѣднихъ вершинахъ и обрывахъ, прилетѣвшіе на казачьихъ лошадяхъ батальоны славной 4-й стрѣлковой русской бригады уже бились передъ священнымъ алтаремъ Шипки.

Богъ благословить ихъ сіяющее оружіе... Побѣда, побѣда!

Но какою цѣной, какими огромными жертвами достигнута была эта побѣда! Тысячи героевъ русскихъ стрѣлковъ нашли здѣсь свой вѣчный покой!

Шипка была спасена.

Вѣчная слава и вѣчная честь русскимъ витязямъ, беззавѣтно сложившимъ на далекихъ и невѣдомыхъ имъ Балканахъ кости свои за свободу братьевъ по крови и вѣрѣ.

И теперь, передъ судомъ исторіи, мы должны признать, что, не будь русскихъ стрѣлковъ, одному Богу извѣстно, зналъ бы когда-нибудь болгарскій народъ са-

Башибузукъ

мую драгоценную и священную страницу Болгарскаго Ополченія, запечатлѣнную во имя родины потоками крови, принесенной Господу Богу на алтарѣ Шипки.

Сегодня, въ день славной годовщины Ополченія, я становлюсь толкователемъ чувствъ моихъ старыхъ боевыхъ товарищей-ополченцевъ, исполняю священный долгъ и заявляю:

— Намъ осталось немного. Мы уже старики. И для насъ близокъ тотъ сонъ, отъ котораго не просыпаются никогда на землѣ. Но и на исходѣ дней прошлое проходить великой чредой въ нашихъ глазахъ и наполняетъ наши души свѣтлою вѣрою въ прекрасное будущее Болгаріи.

Въ нашихъ рядахъ, въ рядахъ сѣдыхъ ополченцевъ, всегда жилъ и будетъ жить вѣчно образъ всѣхъ нашихъ

прекрасныхъ начальниковъ, всѣхъ нашихъ русскихъ братьевъ, которые вмѣстѣ съ нами бились и страдали на Шипкѣ. И помнимъ мы и никогда не забудемъ, кто спасъ насъ на Шипкѣ.

О, грозная, незабвенная Шипка!

То, что было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на твоихъ величественныхъ вершинахъ, будетъ на вѣчныя времена озарять наши родныя поля немеркнущимъ сіяніемъ, и что бы на нихъ ни происходило, всегда будутъ рисоваться тамъ, въ братскихъ объятіяхъ, тѣни твоихъ легендарныхъ защитниковъ, залившихъ эти вершины своею кровью, — родныхъ братьевъ болгаръ и русскихъ.

Шипка, ты вѣчна! Великое твореніе Всевышняго, близкое къ Престолу Его, будь ты свидѣтельницей и нашимъ ходатаемъ передъ Нимъ. На твоихъ поднебесныхъ высяхъ — священное обиталище тѣней нашихъ боевыхъ товарищей —

Вѣчная вамъ память, герои!

Мы сегодня мысленно возносимъ передъ Всевышнимъ нашу послѣднюю молитву старыхъ бойцовъ. Да хранитъ Богъ вѣчно Болгарію.

Пусть Болгарія будетъ на вѣчныя времена сильна, могуча и велика!

Пусть, Боже, и великая, богоносная и челоувѣколюбивая Россія воскреснетъ отъ бурь и испытаній своихъ къ вѣчной жизни на благо будущаго и всего челоувѣчества.

А. Блѣсковъ

(Бывшій ополченецъ 2-й Болгарской Ополченской дружины, нынѣ генералъ отъ запаса).

„Башибузуки!“ Тревога въ болгарской деревнѣ

* Стихъ изъ безсмертной поэмы поэта Ботьова.

ОПОЛЧЕНЦЫ НА ШИПКЪ

Пусть еще клеймить насъ срамъ на этомъ свѣтѣ,
 Слѣдъ былого рабства и рубцы отъ плети,
 Пусть воспоминанье про былой позоръ
 Облакомъ печальнымъ заститъ ясный взоръ,
 Пусть насъ отрицаетъ властный голосъ вѣка,
 Пусть у насъ трагично имя человѣка,
 Пусть бывшее наше погружаетъ въ мракъ
 Стара Бѣласица и новый Батакъ,
 Пусть язвятъ насмѣшкой горькой и обидной
 Цѣпи нашей звенья и яремъ нашъ стыдный:
 Отъ него на выяхъ багровѣетъ шрамъ.
 Пусть свободу братья подарили намъ,
 Пусть! Мы все же знаемъ, что въ быломъ недавно
 Есть и нѣчто ново, есть и нѣчто славно.
 То, что гордой силой заливаешь грудь,
 Зажигаетъ чувство, озаряетъ путь:
 Тамъ, гдѣ словно плечи гордаго Титана,
 Подпираютъ небо рамена Балкана,
 Поднялся высоко заповѣднѣй кряжъ, —
 Памятникъ безсмертья, славы нашей стражъ.
 Тамъ бѣлѣютъ кости, кровью дышитъ мохъ.
 Тамъ легендой вѣетъ вѣтра каждый вздохъ.
 Тамъ воспоминанье подвиговъ священныхъ,
 Памятникъ величья, святцы — незабвенныхъ.
 Имя дорогое, что вѣрнѣй щита,
 Объ него ломаетъ зубы клевета.
 Шипка! Трое сутокъ смѣлая дружины
 Охраняютъ гребень. Горныя долины
 Съ дрожью повторяютъ грозный битвы вой.
 Буря вслѣдъ за бурей, вслѣдъ за строемъ строй.
 Вотъ уже двѣнадцать приступовъ могучихъ.
 Трупы. Луи крови на скалистыхъ кручахъ.
 Сулейманъ безумно рвется насъ достать,
 Въ бѣшенствѣ бросаетъ вверхъ за ратью рать,
 Вопить изступленно: „Тамъ гяуры скрыты!“ —
 Турки, у Аллаха требуя защиты,
 Двинулись на приступъ. Дрогнула гора.
 Но звучитъ раскатомъ громовымъ „ура“.
 И врагамъ навстрѣчу градъ камней, картечи...
 Всѣ въ крови герои, но, какъ скалы, плечи.
 Всѣ впередъ стремятся. Схватки и стрѣльба —
 Безъ командъ, безъ строя, какъ велитъ Судьба.

Каждый радъ костями лечь, только бѣ въ
 страшный мигъ
 Видѣть, какъ сраженный врагъ его поникъ.
 Трескотня винтовокъ. Стоны. Крики. Вой...
 Налетаютъ... гибнутъ... То стѣной живой
 Бросаются, какъ тигры. То, какъ овцы,—вспять,
 И опять на приступъ. И назадъ опять.
 Болгары, орловцы на редутъ — львами.
 Голодъ, зной и жажда заодно съ врагами.
 Штурмъ враговъ ужасенъ, но отпоръ имъ —лють.
 Трое сутокъ бьются. Трое сутокъ ждуть...
 Но, увы, подспорья не видать нигдѣ.
 Иль орлы-собратья не спасутъ въ бѣдѣ?
 Пусть! Бойцы безъ страха внемлютъ смерти зовъ.
 Горсть спартанцевъ. Сонмы Ксерксовыхъ
 полковъ.

Волны приливаютъ. Рядомъ младъ и старъ.
 Всѣ готовы встрѣтить роковой ударъ.
 И тогда Столѣтовъ, генералъ лихой,
 Крикнулъ громогласно: „Ополченцы, въ бой!
 За отчизну! Съ Богомъ, чудо-молодцы!
 Родинѣ спасенье. Храбрости — вѣнцы!
 Вашей крѣпкой силѣ ввѣрилъ Царь, любя
 Родину, свободу, самого себя.
 И дружины, словомъ и довѣрьемъ горды,
 Съ твердостью встрѣчаютъ вражескія орды
 Бѣшены и шумны. О, геройскій часъ!
 Волны приливаютъ, кровью брызнувъ въ насъ.
 Вышли всѣ патроны. Но осталась честь.
 Штыкъ переломился, — грудь и руки есть.
 Есть восторгъ блаженный умереть въ бою
 Предъ лицомъ вселенной за страну свою.
 Гибель ополченца — за побѣду плата.
 Пусть Балканы видятъ трепетъ супостата.
 Нашъ редутъ высоко: на виду у всѣхъ.
 Родинѣ открыты подвигъ нашъ и грѣхъ.
 Нѣтъ оружья больше. Труповъ гекатомба.
 Каждый сукъ намъ шашка, каждый камень —
 бомба.
 Каждый мигъ — удары. Каждый вздохъ нашъ
 — пламя.
 Камни и деревья вышли. — Цѣло знамя.

Н. Каразинъ. — Отправленіе раненыхъ и больныхъ турокъ изъ Плевны въ Румынію

Трупы въ бой! Хватають трупы и съ размаху
 На враговъ бросають средь огня и праха.
 Мертвые для битвы пригодились намъ.
 Мертвые съ живыми смерть несутъ врагамъ.
 Демонскіе вопли, стоны, визгъ и крикъ...
 Мертвыми живые побѣждаютъ штыкъ.
 Болгары герои, твердые, какъ скалы.
 Грудь стальную сталью не страшатъ кинжалы.
 Съ пѣсней рвутся къ смерти, презирая смерть.
 Но одолѣвають орды нашу твердь,

20. II. 1927 г.

Вопять, топятъ кровью насъ и крутизну.
 Горсть орловъ безсильна сбросить ихъ волну.
 Мигъ — и намъ мертвецкой станеть гребень
 скаль.
 Но, какъ громъ, Радецкій на враговъ упаль.

 И досель Балканы, гулу бурь внимая,
 День тотъ вспоминають, эхомъ разглашая
 Доблестную славу, чистую, какъ снѣгъ,
 Отъ вершинъ къ вершинамъ и изъ вѣка въ вѣкъ.

Перев. съ болгарскаго А. Федоровъ

П. Н. КРАСНОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНѢ

Русско-турецкая война 1877 — 78 годовъ началась тогда, когда мнѣ шель восьмой годъ. Возрастъ чуткій, воспріимчивый, но кругозоръ ничтожный и наблюденіе войны — изъ дѣтской. Какія могутъ быть при такихъ условіяхъ воспоминанія? Однако изъ далекаго прошлаго, изъ глубинъ давно пережитаго, прочувствованнаго и, казалось, совсѣмъ позабытаго, встають обрывками воспоминанія, пронизанныя какимъ-то свѣтомъ бывшей тогда правды. Когда вспоминаю японскую войну, участникомъ которой я былъ отъ начала до конца — этого свѣта, этого чувства правды Божіей не ощущаю. Та — турецкая война была война особенная... Освободительная.

Зима 1876 — 77 года... Гувернантка ведетъ насъ, дѣтей, смотрѣть „турецкія звѣрства“ въ Пассаждъ, на Невскомъ. Блѣдный сумракъ Пассажа, шорохъ шаговъ по каменнымъ плитамъ, лѣстница въ концѣ его во второй этажъ и занавѣшенный чернымъ сукномъ входъ въ галерею восковыхъ фигуръ. Тишина. Большая высокая комната въ сумракѣ, и въ

углу дерево. Къ дереву привязано три полуодѣтыхъ человѣка. На лицахъ — муки. Ноги обуглены. Подъ ними костеръ. Небольшая группа посѣтителей стоитъ въ молитвенной тишинѣ. Изрѣдка кто-нибудь вздохнетъ. Если заговорятъ — говорятъ шопотомъ.

— Это кто же такіе?

— Болгары.

— Кто же ихъ такъ?

— Турки.

Вопросы и отвѣты короткіе, внушительные. Внизу прикрѣпленъ плакатъ. На немъ крупно и четко написано большими печатными буквами, какъ и гдѣ были найдены мучимые на медленномъ огнѣ болгарскіе крестьяне.

Знаешь, что огонь изъ фольги, что люди не живые, а куклы, что все это не настоящее, „нарочно“, а все жутко стоятъ, жутко видѣть

муки, кажется, что мучимые зашевелились, вздохнуть... застонуть.

Въ сознаніе входила ужасная мысль о несправедливости, о неправдѣ, о чемъ-то, чего не можетъ быть на Божьемъ свѣтѣ, чему надо помѣшать.

Ген. Стольцовъ,
нач. Болгарск. Ополченія

Рис. Н. Каразина — Транспортъ турецкихъ раненыхъ и пѣнныхъ на пути въ Румынію

Стояло два міра — славяне и турки. Славяне свои — родные, и турки — враги, звѣри... Жертвы и мучители.

Эта мысль была кругомъ. Она была въ народѣ. Можетъ быть, въ деревнѣ, гдѣ этого не видали и не слышали, и не было этого сознанія во всей полнотѣ, но Петербургъ былъ проникнутъ этою мыслью сверху до низу. Еще болѣе Москва и города юга Россіи. Прислуга, дворники, извозчики, сидѣльцы въ лавкахъ говорили о необходимости заступиться за славянъ, спасти ихъ отъ турокъ, выручить ихъ... Появился кроткое слово: „братушки“.

Это нашъ долгъ... Мы, русскіе, не можемъ на это молчать... Мы должны спасти братушекъ. „Мы, русскіе“ звучало гордо. И ребенкомъ въ эти великіе дни я чувствовалъ себя выше „какихъ-то“ нѣмцевъ или англичанъ, которые „этого не понимаютъ.“

Въ тѣхъ, кто былъ старше, кто могъ сознательно относиться къ этому и дѣйствовать — это ощущение обращалось въ дѣйствіе. Собирались добровольцы помогать возставшимъ. Дѣтскій умъ не разбирался еще въ именахъ. Путались черногорцы, сербы и болгары. Черногорцы казались удивительно храбрыми, но ихъ было слишкомъ мало. Болгарамъ приходилось хуже всего. Я, захлебываясь отъ волненія и восторга, слушалъ о рѣшеніи Черняева собирать добровольцевъ и идти помогать славянамъ. Комаровъ былъ товарищемъ по корпусу и академіи моего отца — и отсюда являлась большая освѣдомленность о томъ, что они будутъ дѣлать.

— Папа, — спрашивалъ я озабоченно, — а откуда Черняевъ пушки возьметъ? Вѣдь у турокъ — пушки. Нельзя безъ пушекъ.

— Ну, какъ-нибудь достанетъ.

27 ноября 1877 г. команда развѣдчиковъ съ проводникомъ-болгариномъ

И я понималъ: нашъ Государь дастъ... Онъ такой добрый, онъ поможетъ спасти и освободить славянъ.

— Папа, а отчего нельзя прямо помочь?

— Англичане не позволяютъ.

Такъ въ дѣтскомъ мозгу зарождалось сознаніе, что чему-то великому, доброму и прекрасному, что хочетъ совершить Россія, мѣшаютъ англичане.

Противные!..

По улицамъ, по дворамъ гремѣлъ болгарскій гимнъ-пѣсня.

— Шуми Марица окровавлена,
Плачетъ вдовица люто ранена,
Маршъ, маршъ генералы нашъ,
Разъ, два, три — наши войницы.

Можетъ быть, и не такъ, но такъ сохранила мнѣ память эту пѣсню-маршъ, распѣваемую и у насъ въ домѣ, и повсюду.

Шли рассказы о томъ-то и о томъ-то, кто пошелъ добровольцемъ — съ Черняевымъ. Пошелъ къ болгарамъ майоръ Калитинъ формировать болгарскія дружины.

Имя „доброволецъ“ было священо. Рассказывали, кто что пожертвовалъ на добровольцевъ, а по церкви ходили сборщики съ тарелкой и картономъ съ надписью: „На добровольцевъ Черняева“.

Великимъ постомъ заговорили, что нашъ

Государь заступится за славянъ, что славянамъ плохо, добровольцы разбиты, и что Россія должна ихъ спасти.

Это долгъ Россіи.

Такъ родилась русско-турецкая война. Не по прихоти или капризу монарха, но по стихійной волѣ русскаго народа.

Была объявлена мобилизація.

Въ апрѣльскій, веселый солнечный день узнали, что Государь вызвалъ

Подъемъ съ орудіями отряда ген. Вельяминова на гору Умургачъ

войска и объявилъ о войнѣ съ турками.

Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, почти радостно. Наконецъ - то! Въдѣ это нашъ долгъ! Долгъ чести и милосердія.

Я видѣлъ, какъ въ коляскѣ на парѣ сѣрыхъ лошадей, въ шинели, быстро проѣхалъ по Невскому Государь Александръ II. Подъ черной каской съ золотымъ орломъ вѣтеръ рѣялъ пестрыми бѣло-желто-черными перьями. Народъ восторженно кричалъ „ура“ и бросалъ шапки вверхъ.

Уже знали о войнѣ съ турками.

Хмурые, скучные разговоры весенними вечерами. „У нашихъ: — Крика... Берданки успѣли получить только гвардія и стрѣлки — у „нихъ“ англійскія ружья Пибоди-Мартини и много патроновъ... У нихъ есть митральезы... Нашихъ мало послали... Все посылаютъ пакетами... Врядъ ли будетъ успѣхъ?“

Щипали корпю для лазаретовъ.

И... тревога, страхъ, беспокойство — за своихъ.

Молитвы въ церкви и дома, страстная, горячія: Господи! пошли имъ побѣду!.. На сопротивныя...

Яснымъ лѣтнимъ вечеромъ, на дачѣ — извѣстіе: наши перешли черезъ Дунай. Генералъ Драгомировъ перешелъ черезъ рѣку у Систово со своей дивизіей и сводно-гвардейскимъ отрядомъ.

Пошли рассказы, какъ молодой Скобелевъ на глазахъ своего отца, старого Скобелева, верхомъ на лошади переплылъ Дунай, какъ сводный гвардейскій отрядъ на понтонѣ переправился и бросился на турокъ, и былъ раненъ молодой прапор-

Ген. Черняевъ

Доброволецъ Гаршинъ

щикъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка Поливановъ. Какъ первымъ переправился сынъ главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, Николай Николаевичъ Младшій... Еще рассказывали о лихомъ набѣгѣ полковника Струкова съ казаками, предупредившаго турокъ на Барбошскомъ мосту.

Радостно бились сердца. Наши за Дунаемъ!

Пошли имъ, Господи, всякой удачи!

30 августа 1877 года — первая Плевна. Чувство неудачи... Нашихъ полегло страсть!.. Пятнадцать тысячъ. „А почему?“ — Не спросясь брода, сунулись въ воду“... „Вишь-ты дѣло какое вышло, хотѣли къ именинамъ Государя ему Плевну поднести, да не разсчитали — сколько народу зря уложили... Понапрасну“... „Да что она, Плевна-то? Крѣпость что ли?“ — „Такъ, маленькая деревушка, да только турки успѣли въ ней хорошо укрѣпиться — не сковырнешь ихъ“... И зазвучало четкое, ясное имя — Османъ-паша. Выдвинулось въ геройскіе ряды.

Канцлеръ
кн. Горчаковъ

Гвардія пошла на войну. Трогательно провожалъ ее Петербургъ. Черные султанчики колыхались надъ низкими кѣпи съ алыми, синими, бѣлыми и черными околышами.

Одни хмурились и говорили: — ну, коли пошла гвардія, значитъ, дѣло плохо, какъ бы не пришлось кончать... Какъ въ Севастополѣ.

Другіе говорили: — ну теперь поправимся. Теперь нашихъ достаточно, да и гвардія съ ними, — и напряженно ждали извѣстій съ войны.

Тихо, незамѣтно, поѣхалъ Государь на войну, раздѣлить трудъ и лишения со своими солдатами.

16 ноября 1877 г. сбитіе турецкой батареи — дѣло 5-го бат 1 артил. бригады

Глухою осенью, когда по обледенѣлымъ камнямъ петербургскихъ мостовыхъ съ шелестомъ неслась жемчужная поземка и зима грозилась ледяными стужами, я, выйдя на прогулку, увидалъ Петербургъ, убранный бѣло-сине-красными и бѣло-желто-черными флагами. Съ крѣпости мѣрно били пушки. По улицамъ ходилъ празднично оживленный народъ. Мои братья и сестра возвращались изъ гимназій. Въмѣсто уроковъ тамъ былъ молебень и послѣ него отпустили по домамъ по случаю великой побѣды русскаго оружія.

Плевна взята! Османъ-паша съ цѣлымъ корпусомъ сдался въ плѣнъ!.. Когда онъ подалъ свою саблю Государю, — Александръ возвратилъ ее побѣжденному врагу.

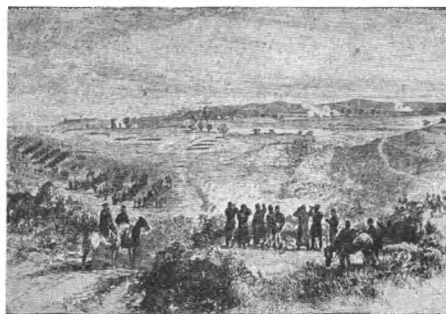
Ген. М. Т. Лорисъ-Меликовъ

Плевна взята! Я, какъ сейчасъ, чувствую этотъ восторгъ великихъ и знаменательныхъ словъ. Взятіе Плевны — переломъ кампаніи. Взятіе Плевны — побѣдоносное движеніе русскихъ войскъ за Балканы. Плевна — ключъ отъ воротъ Константинополя.

Имя Скобелева не сходило съ устъ народныхъ.

Мальчишки продавали коробки Лапшинскихъ фосфорныхъ спичекъ, и на нихъ былъ изображенъ генераль въ бакенбардахъ на бѣломъ конѣ и длинные стихи, посвященные „бѣлому генералу“.

Нѣсколько лѣтъ спустя, можетъ быть, въ 1879 или въ 1880 году, на Фонтанкѣ, у Симеоновскаго моста, противъ цирка Чинизелли, была первая выставка картинъ художника Верещагина. Я былъ на ней съ братомъ. Тихо сипѣли электрическіе

Подъ Плевной

и въ нихъ въ суконныхъ шинелькахъ, въ башлыкахъ, съ красными обмороженными лицами наши солдаты. Наверху четыре продолговатыхъ холста. Мутно-сѣрое небо. Снѣгъ по колѣно. Вьюга. Русскій часовой на посту. Онъ охватилъ руками винтовку и, закутанный башлыкомъ, стоитъ въ отдуваемой вѣтромъ шинели. Рядомъ — онъ же, полузанесенный снѣгомъ, и дальше — онъ же — погребенный подъ снѣгомъ, погибшій на своемъ посту. Покой снѣговой пустыни, изъ котораго торчатъ штыкъ и конецъ башлыка. На Шипкѣ все спокойно.

Въ благоговѣйномъ молчаніи стояла кругомъ публика. Все это было такъ живо, такъ недавно. Казалось, на нашихъ глазахъ замерзалъ часовой.

„Орлиное гнѣздо“ турокъ, шипкинскій перевалъ были

Ген. кн. И. П. Святополкъ-Мирскій

взяты войсками ген. Радецкаго. Скобелевъ, Радецкій и Святополкъ-Мирскій шли за Балканы, тѣсня Весселя-пашу къ самому Адрианополу. Солдаты-пѣсенники пѣли:

Мы къ Балканамъ подходили
Намъ казались — высоки!
Три часа переходили
И сказали — пустыни!

Отрядъ, заносимый вьюгою. (Съ рис. Е. Пономарева)

Гремитъ слава трубой
За Дунаемъ за рѣкой,
Царь Салтана побѣдилъ
Христіанъ освободилъ!

Надъ зимнимъ Петербургомъ висѣли промерзшіе, обледенѣлые флаги, иней смягчилъ кричащія краски красного, синяго, желтаго и черного, и они казались мягко написанными акварелью. Столица гремѣла выстрѣлами новой побѣды. Русскіе орлы шли къ Константинополю!

Въ февралѣ 1878-го года наши войска были у стѣнъ Царьграда. Помню рассказы о большомъ лагерѣ нашихъ войскъ на берегу моря у деревни Санъ-Стефано и о томъ, какъ у палатки главнокомандующаго стояли часовые-преображенцы, рослые молодцы въ отрепанныхъ, съ оборванными полами, шинеляхъ, прожженныхъ кострами биваковъ. Была какая-то скромная прелесть въ этихъ шинеляхъ, выдавшихъ плевенскіе бои и снѣга шипкинскихъ переваловъ.

Со дня на день ожидали занятія русскими войсками Константинополя. Русскій щитъ долженъ былъ висѣть на „вратахъ Царьграда“. Мы знали — турецкая армія разбита, а безъ арміи какъ воевать? Турки не могли оборонить Константинополь. При императрицѣ Елисаветѣ рѣяли русскія знамена въ Берлинѣ, при Александрѣ I были они въ Парижѣ, мы ждали

Герой Плевны Османъ-паша

ихъ въ столицѣ древней Византіи при нашемъ Царѣ-Освободителѣ.

Мы волновались и не понимали, что же медлитъ нашъ побѣдоносный главнокомандующій?

19-го февраля, въ годовщину освобожденія крестьянъ, императоръ Александръ II даровалъ свободу болгарскому народу, и пришла вѣсть о Санъ-Стефанскомъ мирѣ.

Безъ Константинополя.

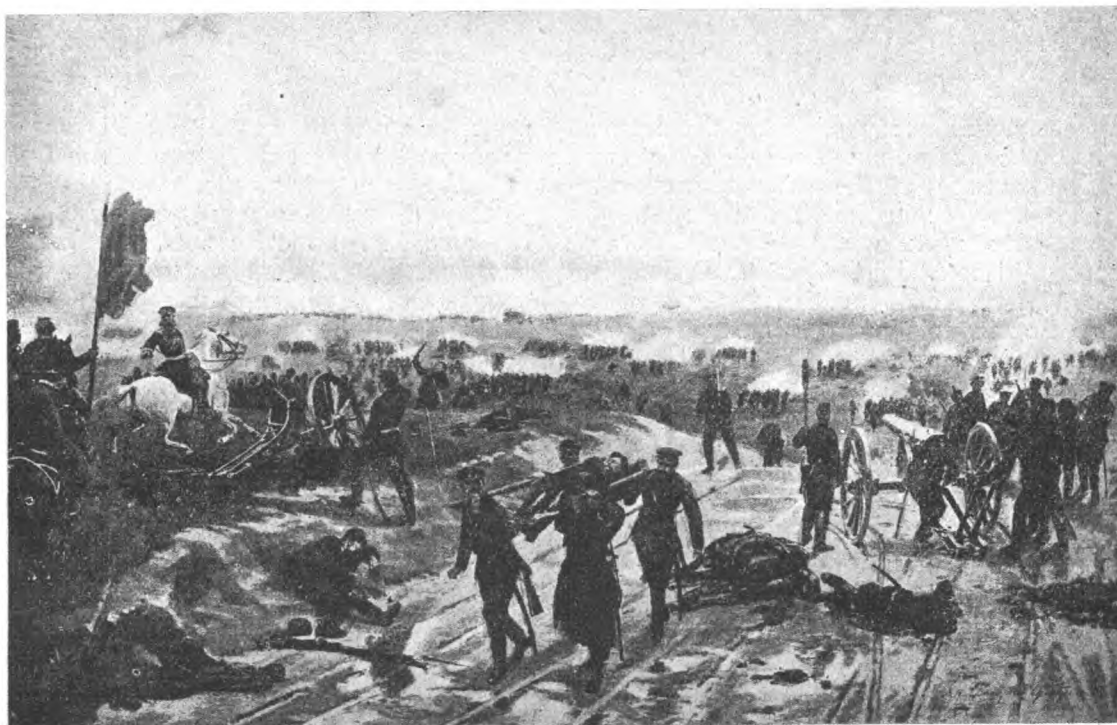
Почему?.. отчего?

Шопотомъ передавали: англійскій флотъ вошелъ въ Босфоръ... Англичане не позволяютъ.

Какъ-то менѣ замѣтно, менѣ слышно проходила удивительно блестящая кампанія подъ главнымъ командованіемъ великаго князя Михаила Николаевича на Кавказскомъ фронтѣ. Послѣ страшнаго ночного штурма въ зимнюю стужу, по обледенѣлымъ скаламъ палъ неприступный Карсъ, и русскія войска шли къ Эрзеруму.

И тутъ побѣдное шествіе русской арміи было пресѣчено Санъ-Стефанскимъ миромъ.

Дѣтское сердце и дѣтская душа чутко запомнили и сохранили ужасно ранившія ихъ дальнѣйшія событія Берлинскаго конгресса. Дѣтское сердце не понимало, какъ могло такъ быть, чтобы воевали турки и русскіе, ради

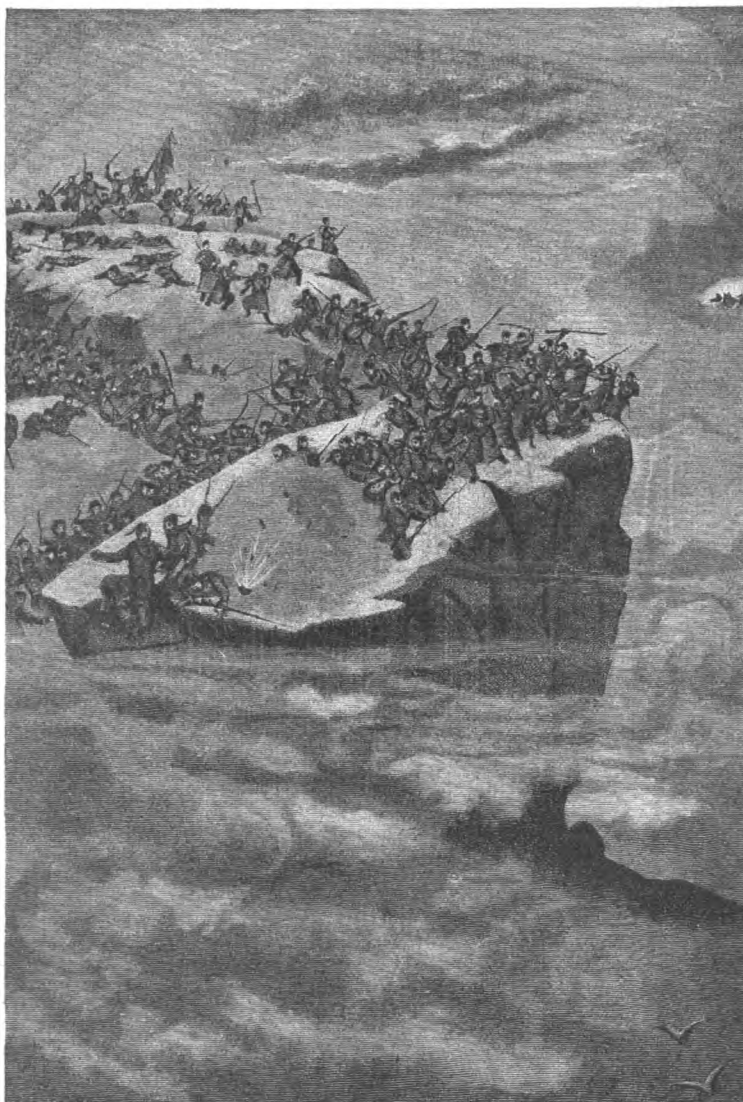
Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій — Атака Зеленыхъ горъ 27-го августа 1877 г.

свободы болгаръ и сербовъ, ради спокойствія въ Румыніи. Была пролита русская кровь, турки были побѣждены, Константинополь былъ почти-что взятъ, наши офицеры спокойно ѣздили въ него, — а вопросы побѣды нашей рѣшались въ Берлинѣ Бисмаркомъ и лордомъ Биконсфильдомъ. Эти имена крѣпко запали въ дѣтское сердце мое и, вѣроятно, не только мое. И не оттуда ли, не съ этихъ ли темныхъ дней величайшей несправедливости, произошелъ переворотъ въ русской политикѣ и родилась дружба съ Франціей? Не тогда ли отвернулось сердце Императора Александра III и мальчика великаго князя Николая Александровича, впоследствии императора Николая II, отъ Германіи? Такъ Санъ-Стефано и Берлинъ могли быть тѣми маленькими сѣменами, изъ которыхъ выросла великая русско-германская война 1914 — 17 годовъ. Ибо неоповѣдимы пути Божіи, и обиды, нанесенныя дѣтскому сердцу, не забываются.

И ни то, что цѣль войны была блестяще достигнута и Черногорія, Сербія и Болгарія были навсегда освобождены отъ турецкаго ига, ни то, что Россія пріобрѣла Батумскій округъ и крѣпость Карсъ, что дало Россіи и громаднаго природнаго богатства, и большое торговое значеніе по удобству вывоза бакинской нефти — не могло смягчить тяжелой боли кровоточащей раны, нанесенной русскому самолюбію.

Нѣмцы и англичане помѣшали взять Константинополь.

Гвардія вернулась съ Балканъ. Была за Нарвскими воротами ей торжественная встрѣча. Полки проходили черезъ триумфальную арку, нѣкогда построенную побѣдоносному Рос-

Бой въ облакахъ. Взятіе Правецкой высоты

сійскому войску, возвращавшемуся изъ Парижа. Женщины и дѣти засыпали офицеровъ и солдатъ цвѣтами, лавровые вѣнки висѣли на штыкахъ солдатскихъ — все было честь-честью, но боль осталась. Могилы на Балканахъ звали къ себѣ довершить начатое. Пѣли въ полкахъ:

Горныя вершины,
Увижу ли васъ вновь?
Балканскія долины,
Кладбище удальцовъ.

Вся эта горечь вылилась у меня, мальчика, въ простую, но крѣпко запомнившуюся формулу, сказанную съ тихою грустью бабушкой, живо помнившей Севастопольскую кампанію:
— Англичанка гадить!

Время шло. Тифъ косилъ армию, остававшуюся на Балканахъ. Число русскихъ могилъ росло на чужой сторонѣ. Но и это кончилось. Русскіе инструктора

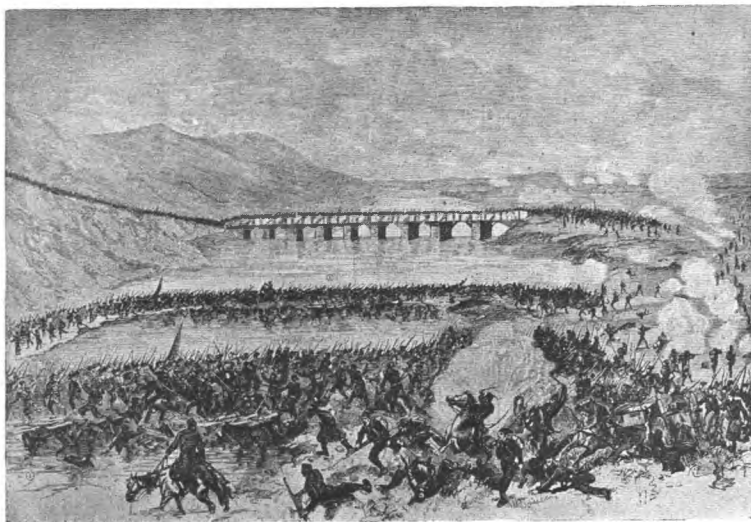
поѣхали помогать сербамъ и болгарамъ устраивать свои государства; сербы и болгары пріѣхали учиться въ Россію.

Я уже узнавалъ про турецкую войну не по слухамъ, не по газетнымъ статьямъ, не по рисункамъ во „Всемирной иллюстраціи“, но по рассказамъ отца, дяди и другихъ участниковъ войны. Я узнавалъ ее по книгамъ.

Сначала это были трогательные, проникнутые глубокою любовью къ ближнему и крайнею болью войны, рассказы Всеволода Мих. Гаршина: „Четыре дня“, „Записки рядового Иванова“ и „Трусь“; потомъ это были блестящіе, незабываемые романы Вас. Ив. Немировича-Данченко и, наконецъ, серьезные разборы и труды — „Ловча и Плевна“ — Куропаткина и многотомная исторія войны. Я изучалъ Плевну на громадномъ выпускномъ планѣ, гдѣ была помѣчена каждая траншея, пока-

знала каждая рота, каждое орудіе; я любовался великолѣпной панорамой художника Рубо — „Взятіе Карса“, устроенной въ спеціальномъ зданіи на Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ Невского; я видѣлъ уже не только картины Верещагина, но десятки картинъ Дмитріева-Оренбургскаго, Кившенки, Каразина, Дмитріева-Кавказскаго, Рубо и Бакмансона, посвящен-

ныя этой войнѣ и выставленныя на выставкѣ въ Академіи Художествъ. Онѣ всѣ были пріобрѣтены Государемъ Императоромъ и пополнены Помпеевскую галерею Зимняго дворца. Эти картины не поражали такъ, какъ поражали картины Верещагина. Въ нихъ было много условнаго, много отъ оловянныхъ солдатиковъ, отъ манекена, но, бродя по Помпеевской галереѣ, я переживалъ снова и снова войну. Я ее видѣлъ отъ начала и до конца — отъ плывущихъ по голубому Дунаю понтоновъ съ зелеными лафетами и желто-мѣдными орудіями съ пѣхотой и казаками, отъ великаго князя Николая Николаевича подъ своимъ стягомъ съ восьмиконечнымъ крестомъ въ рукахъ браваго донца, вѣщающимъ въ разукрашенныя цвѣтами улицы Адрианополя, до картины, гдѣ раненый Османъ-паша, опирающійся на лейбъ-казацкаго офицера, передаетъ свою саблю Императору Александру II, и до видовъ Санъ-Стефано. И никогда потомъ у меня не было такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ тѣ дни, когда я стоялъ въ галереѣ Пассажа и смотрѣлъ турецкія звѣрства, или, когда въ комнатѣ, полной людей, но гдѣ царила тишина, я стоялъ передъ громаднымъ Верещагинскимъ холстомъ. На холстѣ было: печальное осеннее небо, покрытое тучами, мокрое поле, все

Взятіе Плевны

сплошь уложенное шеренгами мертвыхъ тѣлъ, и двѣ живыя фигуры подъ ними — священникъ въ черныхъ ризахъ съ кадиломъ и причетникъ-солдатъ въ потрепанномъ мундирѣ. Казалось, таетъ кадильный дымъ надъ серебромъ кадила въ сыромъ воздухѣ; казалось, сейчасъ услышу простуженные голоса — хрипящій басъ солдата и прерывающійся теноръ священника

— „со святыми упокой“.

Никогда потомъ у меня не было такого остраго чувства обиды и ненависти къ обидчикамъ, какъ тогда, когда на дѣтскій до боли страстный вопросъ: „Почему мы, побѣдители, не взяли Константинополя?“ бабушка, поднявъ очки на лобъ, сказала съ покорною печалью:

— Англичанка гадить.

Все прошло, какъ проходитъ и все въ мірѣ. Добрыя сѣмена дали добрые всходы; сѣмена сорныя, сѣмена человеческой злобы, не-

нависти и обиды тоже разрослись густыми порослями. Потому что никакое дѣло людское не остается безъ послѣдствій, безъ награды, или возмездія, если не намъ, то дѣтямъ нашимъ.

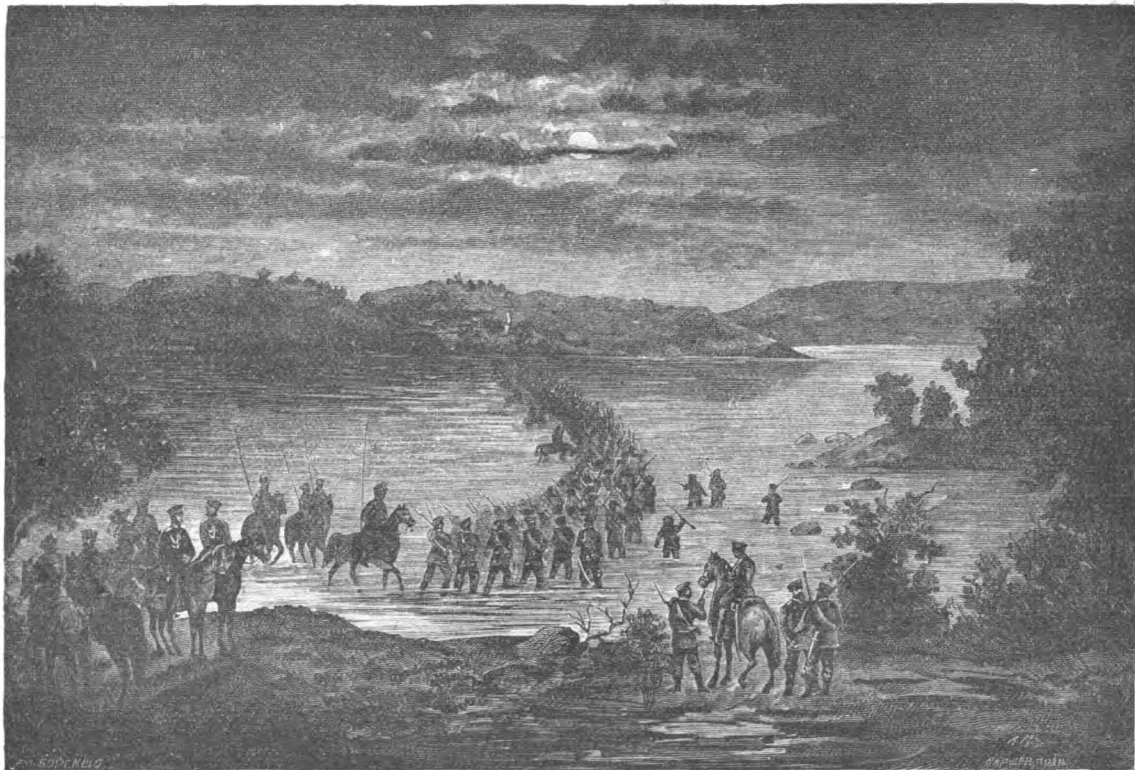
Маленькая, бѣдная, тѣсная Болгарія собрала крохи малыхъ остатковъ своихъ, потѣснилась и пріютила у себя дѣтей тѣхъ, кто ее освободилъ и кто самъ оказался въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ были они въ 1876 году.

Сербія дала возможность жить тѣмъ, кто изъ порабощенной страны помогъ ей сдѣлаться великимъ славянскимъ государствомъ.

Младшіе братья Россіи не забыли того великаго добра, которое имъ оказала Россія Императора Александра II... Тѣни павшихъ подъ Плевной и на Шипкѣ могутъ быть спокойны.

Спускъ съ Балкановъ передового отряда колонны Дандевилля

Переходъ вбродъ рѣки Видъ лейбъ-гв. Егерскимъ полкомъ 11 октября

Но мятутся, видимо, тѣни тѣхъ, что умерли отъ тифа въ Санъ-Стефано, мучаетъ ихъ горькая обида отъ сознанія: — англійскій флотъ въ Босфорѣ.

И нѣтъ больше англійскихъ судовъ въ заливахъ Золотого Рога и въ проливахъ Стамбула, и пало значеніе Англій, но не потому-ли коммунистамъ такъ легко разжигать въ русскомъ народѣ ненависть къ Англій, что

онъ росъ въ тѣ дни, когда глубокою занозою засѣла тяжкая обида въ сердцѣ дѣтей: — „англичанка гадить“.

Отъ добра всегда рождается добро, и зло порождаетъ еще большее зло.

И въ жизни, какъ людей, такъ и народовъ, и въ политикѣ, какъ и въ обществѣ, не только нужно, но просто выгодно дѣлать добро.

14/27 марта 1927 года. Santeny — Франція.

П. Красновъ

Село Шипка. Църквата-паметникъ, освятена прѣвъ 1902 г.

А. БОЦАРИЧЪ (серб. художникъ).
A. BOTSARITCH (Serbian painter)

КРАЛЕВИЧЪ МАРКО НА-СТРАЖЪ СЕРБИИ.
PRINCE MARCO GUARDIAN OF SERBIA.

КРАЛЕВИЧЪ МАРКО

...Я шель изъ гимназiи въ свѣтло-сѣрой шинелькѣ до пятъ, въ большой фуражкѣ, съ ранцемъ.

Мнѣ было тогда лѣтъ десять. Это было въ девятисотыхъ годахъ.

Какъ помню себя, я всегда любопытничалъ на уличныя случайности — лошадь ли пала у извозчика, лежитъ ли кто въ падучей, а лицо прикрито платкомъ — гдѣ кучка народа, я обязательно совалъ туда носъ. Я только пьяныхъ боялся.

На Васильевскомъ островѣ во дворѣ кто-то пѣлъ горячо и гортанно. Это горячее пѣніе обдало меня внезапнымъ жаромъ. Я зашелъ въ подворотню.

На дворѣ пѣлъ сербъ. Меня напугалъ сначала этотъ грузный и высокій человѣкъ съ жесткими черными волосами, со смуглымъ лицомъ, заросшимъ черной щетиной. Какъ будто сегодня я вижу его блестящiе, измученные глаза, его опорки, его лѣтнее пальто съ поднятымъ воротникомъ... Уже стояла поздняя осень въ Питерѣ.

И не понималъ я его гортанныхъ переливовъ, но мнѣ казалось, что поетъ онъ на языкѣ, похожемъ, какъ дальній сонъ, на нашъ языкъ. Въ подворотнѣ кто-то сказалъ, что это бродячій сербъ.

А сербъ распахнулъ вдругъ лѣтнее пальтишко свое, а подъ нимъ голое тѣло, смугловатое и тяжелое, въ глянецъ дождя. Сербъ тыкалъ коричневымъ пальцемъ въ бокъ, гдѣ синеватой бороздой зiялъ шрамъ, заросшій дикимъ мясомъ, и, заведя глаза, вскрикивалъ: — Турка... Братушки... Штыкъ.

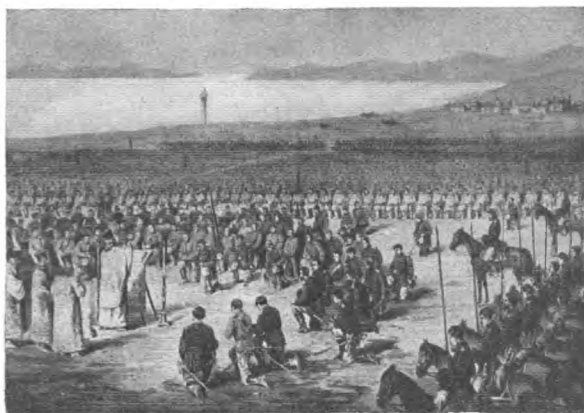
Ударилъ меня по дѣтскому сердцу этотъ высокій человѣкъ съ жесткой шапкой волосъ, и до самого дома несъ я кипящiя слезы, а дома разрыдался. Никто не могъ понять, почему я рыдаю...

Вотъ онъ, предо мной, Краlevичъ Марко, на обрывѣ скалы, дымящей таинственнымъ туманомъ; вотъ онъ, тяжкій Краlevичъ на мохнатомъ богатырскомъ конѣ, стражъ сербской земли.

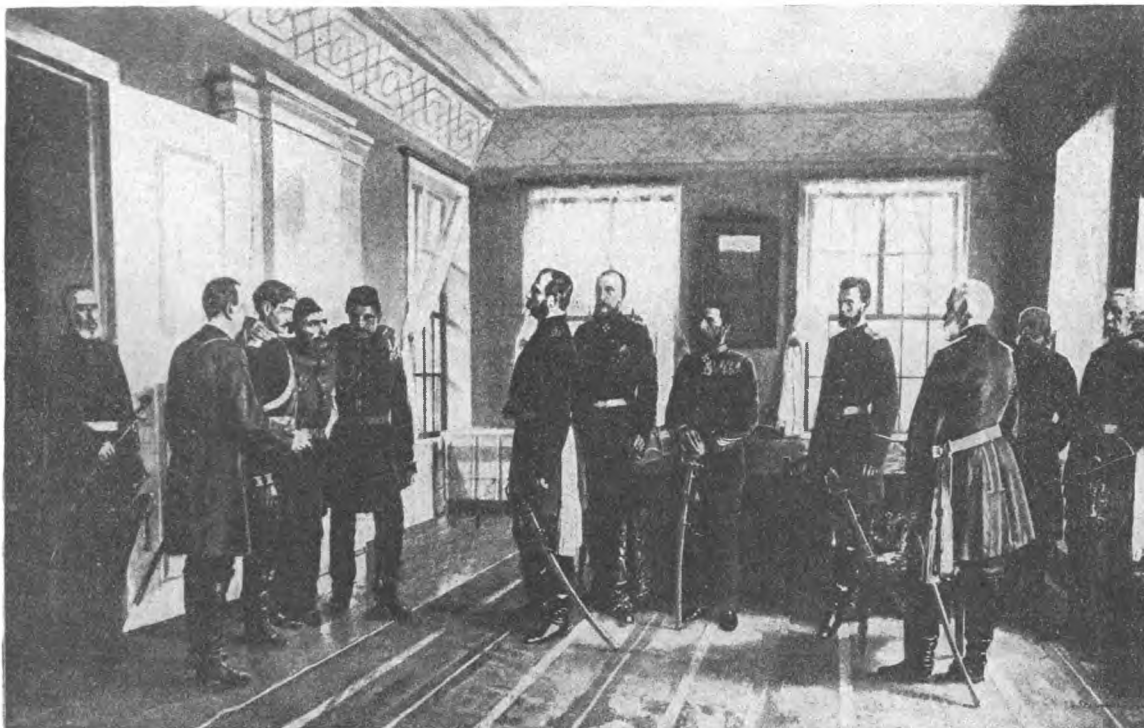
Точно, былъ Краlevичъ Марко въ Македонiи въ 1371 году, и

паль на Ровинахъ въ бою.

А народная сербская пѣсня возлюбила Краlevича, юнака изъ юнаковъ, непобѣдимаго богатыря, честнаго сына, праведнаго судью, Божьяго рыцаря, друга виллъ и великановъ, защитника всѣхъ угнетенныхъ. Поютъ сербы о битвахъ Краlevича Марко со страшнымъ притѣснителемъ и отступникомъ Гайдукъ-пашой, о

Молебень 19 февраля 1878 г. въ Санъ-Стефано

Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій — Представленіе Османа-паши Государю Императору

Памятник Царю-Освободителю въ Софіи

битвахъ съ арапами, о потѣхахъ съ Алашь-Агой...

Соколъ, распутивъ крылья, далъ тѣнь больному Кралевичу Марко, а когда пришелъ ему послѣдній часъ, отъ своей руки принялъ онъ смерть, ибо никто не можетъ побѣдить непобѣдимаго, даже и смерть.

Вся суровая и героическая душа серба — въ пѣсняхъ о Кралевицѣ Марко.

И вотъ, когда я вижу его въ таинственномъ туманѣ на скалѣ, почему-то я вспоминаю, какъ на меня смотрѣлъ въ петербургской подворотнѣ бродячій сербъ-пѣвецъ съ турецкимъ шра-

момъ на боку... Бродячій Кралевицъ Марко на петербургскомъ осеннемъ дворѣ.

Теперь по сербскимъ дворамъ, можетъ быть, ходитъ русскій бродяга-пѣвецъ. И поетъ. И языкъ его, какъ дальній сонъ, похожъ на сербскій. Но не надобно русскому бродягѣ показывать рану свою: она, не заживая, зияетъ въ самомъ сердцѣ... Бродячій Иванъ-Царевичъ поетъ теперь на сербскихъ дворахъ. И, можетъ быть, несетъ домой кипящія слезы сербскій мальчикъ, какъ унесъ ихъ тогда маленькій русскій гимназистъ, питерской осенью, въ далекомъ ноябрѣ...

Л.

В. В. Верецагинъ

„Вѣчная память“

Изд. А. О. Печ. дѣла „Саламандра“

Отв. ред. С. А. Бѣлодѣтовъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Очеркъ А. Ѳедорова — „Плевна“, намѣченный въ этотъ номеръ, будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ (№ 32).

Ко дню Русской Культуры.

По примѣру прошлаго года выйдутъ:

1) специальный номеръ „Перезвоновъ“.

2) Сборникъ для юношества (историч. содержанія), богато иллюстрированный.

Продается Сборникъ „Родина“ — избран. произведенія русск. литературы съ репродукціями карт. русск. художниковъ (свыше 60 илл., 4 въ краскахъ на картонѣ).

Цѣна по 25 ам. цен. (въ Латвіи по 1 лату).

Складъ Изд. — **Rīgā, L. Kalēju ielā 43, „Salamandra“.**

„ЗВЕНО“

иллюстрированный журналъ литературы
и искусства, основ. **М. М. Винаверомъ**
П. Н. Милюковымъ, выходящій еже-
недѣльно въ Парижѣ на 16 стр.

Условія подписки:

Во Франціи: на 1 мѣс. — 3 фр.; на 3 мѣс. — 8 фр.;
на 6 мѣс. — 15 фр.; на 1 годъ — 28 фр.
Заграницей: на 1 мѣс. — 5 фр.; на 3 мѣс. — 13 фр.;
на 6 мѣс. — 25 фр.; на 1 годъ — 50 фр.

Для подписчиковъ „Послѣднихъ
Новостей“ льготныя условія.

Въ издательствѣ «Мѣдный Всадникъ»

„БѢЛОЕ ДѢЛО“

Лѣтопись бѣлой борьбы,

содержащая въ себѣ матеріалы, собранныя и обработанные барономъ **П. Н. Врангелемъ**, герцогомъ **Г. Н. Лейхтенбергскимъ** и свѣтл. княземъ **А. П. Ливинимъ**. Адресъ редакціи: Berlin, W. 15, Lietzenburger Str. 43 IV.

Въ 1-ой книгѣ: воспоминанія барона **П. Н. Врангеля**, **В. В. Марушевскаго**, **К. К. Смирнова**, **А. П. Степанова**; впечатлѣнія отъ недавней нелегальной поѣздки въ Совѣтскую Россію — **В. В. Шульгина**, документы изъ архива генерала **М. В. Алексѣева** и др.

Во 2-ой книгѣ: **Быховскій альбомъ** (факсимиле), возникшій въ періодъ нахождения будущихъ вождей бѣлой арміи въ Быховской тюрьмѣ; записки **В. В. Марушевскаго**, кубанскаго атамана **А. П. Филімонова**; воен. представителя въ Константинополѣ **В. П. Агапѣва**; **И. Г. Акулинина** — о трагич. эпоеѣ уральскаго казач. войска и др.

Цѣна 1 дол. 75 ам. цент. за книгу.

Отъ Русск. Педагогич. Бюро въ Прагѣ. Къ празднованію „Дня Русской Культуры“.

Вслѣдствіе высказаннаго нѣкоторыми учреждениями желанія имѣть ко „Дню Русской Культуры“ бюстъ Пушкина, Педагогическое Бюро вошло въ соглашеніе со скульпторомъ **А. С. Головинымъ**. Изготовленный имъ бюстъ былъ одобренъ осматривавшей его комиссіей.

Гипсовый бюстъ въ натуральную величину. Вѣсъ съ упаковкой около 15 килограммовъ. Цѣна съ упаковкой 150 кронъ чешскихъ (4 ам. дол. 50 ц.). Оплата провоза производится покупателями при полученіи бюста. Заказы и деньги высылаются на имя **Александра Головина** (Легеровъ 3, Прага 11, Чехословакія).

Для того, чтобы возможно большее количество русскихъ людей и особенно дѣтей, живущихъ одиночками, могли хотя бы чѣмъ-нибудь пріобщиться въ этотъ день къ общерусскому торжеству, желательно, чтобы вошло въ обычай русскихъ, находящихся за рубежомъ, обмѣниваться въ этотъ день, изданной по инициативѣ Педагогическаго Бюро, открыткой съ рисункомъ, сдѣланнымъ для этого художникомъ **И. Билибинымъ**.

Цѣна открытки — два съ половиной амер. ц. (При покупкѣ оптомъ и для магазиновъ — 25% скидки). Заказы направлять по адресу: Редакція журнала „ПЕРЕЗВОНЫ“. Рига, Калею иела 43, Латвія (писать латинскимъ шрифтомъ).

Для пріобщенія русскихъ людей, живущихъ въ глухихъ мѣстахъ, къ общенациональному торжеству рекомендуется также произведенный въ нѣкоторыхъ странахъ въ Д. Р. К. опытъ сообщенія по радіо исполнявшихся музыкальных номеровъ, обыкновенно съ предпосылкой нѣсколькихъ словъ о значеніи этого дня на мѣстномъ и русск. языкахъ. Получены свѣдѣнія изъ Россіи, что даже тамъ были уловлены эти отзвуки изъ-за рубежа.

Сводный отчетъ по празднованію въ 1925 г. „Д. Р. К.“ въ разныхъ странахъ съ описаніемъ торжествъ, примѣрными программами, нѣкоторыми рѣчами и снимками можно выписывать изъ Педагогическаго Бюро: Руске Педагогичке Бюро, Ул. Каролины Свѣтле 21. Прага 1 Чехословакія. — Цѣна 10 кронъ чешскихъ или 50 амер. центовъ. На запросъ — Педагогическое Бюро можетъ сообщить и о другихъ изданіяхъ, выходившихъ ко дню Русской Культуры.

6 г. изд.

6 г. изд.

Современныя записки.

Вышелъ т. XXX.

Цѣна книги — 20 франк., 1 ам. долл., 34 чеш. кроны.

Адресъ редакціи и конторы: 9-bis, rue Vineuse, Paris (16).

Главный складъ: „Plamja“ — Praha, Ječná 32, Tschechoslovaquie.

Представительство въ Германіи: „Rodina“, Berlin, W 50, Regenburgerstrasse 13

Представительство во Франціи: La Source, 9-bis, rue Vineuse, Paris 16. Tel. Passy 39-61.

6-ой год издания

„ВОЛЯ РОССИИ“

Вышел № 3 (Мартъ 1927 г.)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

В. И. Лебедева, М. Л. Слонима,
Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.

ЦЕНА НОМЕРА:

в Европе — 50 цент., в Америке, Японии и Китае — 80 цент.

— АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: —
Administrace Časopisu „VOLJA ROSSII“
Praha, Uhelny trh 1, tel. 9802.

Своими Путиами

Подъ редакціей:

Н. А. Антипова, А. А. Воеводина,
П. М. Вжесинскаго и С. Я. Эфрона.

Журналъ богато иллюстрированъ.

Цѣна въ Чехословакии — 8 кр. ч.,
заграницей — 25 амер. центовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

- 1) Tchecoslovaquie, Praha-Vinohrady, Nerudova, č. 48,
- 2) Tchecoslovaquie, Praha-Vinohrady, Pošta, pošt. schr. 37.

6-ой годъ изданія.

„ГОДЫ“.

Изд. ОРЭСО подъ ред. А. А. Валентинова - Ланге, М. С. Ильяшевича, Г. Э. Флоріанскаго, И. Л. Черкесова

Цѣна отдѣльнаго номера 5 кр. ч., 6 номеровъ за годъ—24 кр. ч., заграницей—15 амер. цент.

Контора и ред.: PRAHA II, Porič 24.
Гл. представительство: „Пламя“, Praha, II Ječná 32.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ

„Путь казачества“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.
Въ Чехословакии	5 кронъ	12 кронъ
Во Франціи	3 франка	8 франковъ
Въ Сербіи	7 динар.	18 динар.
Въ Болгаріи	10 лев.	25 лев.

Адресъ редакціи и конторы журнала:

Tchecoslovaquie, Praha II, Lazarska ul. č 10, IV p.

IV годъ

IV годъ

„Казачій Сполохъ“

ЛИТ. - НАУЧНО - ПУБЛИЦ. ЖУРНАЛЪ

Изд. въ Прагѣ Общеказачьей
студенческой станицей подъ ред.

М. Гребенникова, Л. Коколевскаго,
И. Колачова и И. Кохановскаго

Цѣна №№ 1, 2-3, 4-5, 6-7, 8 и 9 по 2 ч. кр.
№ 10 (февр. 1927 г.) — 5 ч. кр.

„НОВЫЙ ДОМЪ“

литературный журналъ

подъ редакціей Довида КНУТА, Юрія ТЕРАПІАНО и Всеволода ФОХТА.

Содержаніе вышедшаго номера третьяго:

Стихи: — Георгія Иванова, Глѣба Струве и Всеволода Фохта; Разсказы — „Сухая солома“ Ирины Одоевцевой, „Первая ягода“ Николая Рощина, „Зыгмусъ“ Галины Кузнецовой; Статьи: — „Да-нѣтъ“ Антона Крайняго, „Окольные пути“ Юрія Терапіано, „Борьба за Россію“ Льва Пудина, „Письмо Георгію Адамовичу“ Вл. Злобина и „Р.-М. Рильке“ В. Власьева.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Георгій Адамовичъ, М. А. Алдановъ, Н. Бахтинъ, Нина Берберова, И. А. Бунинъ, Б. Буткевичъ, В. Вейдле, В. Власьевскій, З. Н. Гиппиусъ, Борисъ Зайцевъ, Вл. Злобинъ, Георгій Ивановъ, Довидъ Кнутъ, Галина Кузнецова, Ант. Ладинскій, Д. С. Мережковский, П. Муратовъ, Ирина Одоевцева, Ник. Оцупъ, Георгій Песковъ, Георгій Раевскій, Николай Рощинъ, Глѣбъ Струве, Юрій Терапіано, Всеволодъ Фохтъ, Владиславъ Ходасевичъ, М. Щетлинъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на три номера — 10 фр.; на шесть номеровъ — 20 фр. Подписка принимается съ любого номера.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ — во Франціи и Европѣ — 3 фр. 75 сент., въ Америкѣ — 15 амер. центовъ.

ПОДПИСЧИКИ, предъявляющіе квитанцію конторы журнала въ приемъ подписной платы, пользуются скидкой въ размѣрѣ 10 проц. въ книжн. маг. „МОСКВА“.

Генеральное представительство и складъ изданія въ книжн. маг. „Librairie MOSKWA“, 9 rue Dupuytran. Paris VI.

Адресъ редакціи и конторы: „NOVY DOM“, 51, rue Vivienne, Paris 8 tel Louvre 25-79.

Контора открыта ежедневно отъ 5-ти до 6-ти час. вечера.

Приемъ по дѣламъ редакціи — по пятницамъ отъ 6-ти до 9-ти ч. в.

АКЦ. О-ВО ПЕЧАТНАГО ДѢЛА

„САЛАМАНДРА“

Рига,

Бл. Кузнечная 43 — Старый городъ 8

Телефонъ: правленія 23423, конторы 22176

ТИПОГРАФІЯ и ЦИНКОГРАФІЯ

Наборная и ротационная машины

Приемъ заказовъ на всякаго рода

типографскія работы, круп-

ные и мелкія, выполненіе

художеств. работъ,

приемъ заказовъ

на всевозм.

клише.

Всѣ работы исполняются точно и скоро
подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ

Оптика

ОКО

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотографія

Г. А. БРИГЕРЪ

Пасхальные предметы:

Туалетныя мыла наивысш.
качества
въ формѣ яицъ

Духи, Одеколонъ
въ стеклянныхъ яйцахъ

Требуйте вездѣ
паркетный воскъ

„БОСТОНЪ“

лучшее средство для крашенныхъ по-
ловъ, паркета, линолеума и мебели.

Гл. складъ: **Г. Сидельскій & Ко.**
Бл. Королевская 12.

Комплекты „Перезвоновъ“ въ изящныхъ переплетахъ.

	Заграницей	въ Латвіи	въ Литвѣ	въ Эстоніи
за 1925 годъ №№ 1—8	2 долл. ам.	8 лат.	20 лит.	675 эст. мар.
за 1926 годъ №№ 9—27 (два тома)	5 1/2 долл. ам.	22 лат.	55 лит.	1825 эст. мар.

Комплекты „Юнаго Читателя“

за 1926 годъ — 24 книги съ приложеніями, безъ переплета
3 ам. долл. 12 лат. 30 лит. 1000 эст. мар.

Сборникъ „Родина“ — 25 ам. ц. (1 Ls)

Rīgā L. Kalēju ielā 43 „SALAMANDRA“

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)
наивысшій по качеству и превосходный по аромату